

Игра Реальностей. Эра и Кайд. Книга 1

Автор:

[Вероника Мелан](#)

Игра Реальностей. Эра и Кайд. Книга 1

Вероника Мелан

ГородИгра Реальностей #6

После гибели в родном мире, Эра Алгория, обладающая способностью изменять мироздание, случайно попадает не только в чужой мир, но и в чужое тело. Из блондинки превращается в брюнетку, из местной парикмахерши во владелицу агентства «Счастливая Судьба». Неспособная понять, как отменить трагедию и вернуться обратно, Эра в мире Уровней промышляет добрыми делами – помогает другим изменять значимые события, и заодно пытается отыскать информацию о человеке, способным открыть портал в ее собственное прошлое. Позже оказывается, что отыскать информацию вовсе не так сложно, как заставить Кайда Дварта – менталиста высшего звена, способного подчинять себе пространство и время – откликнуться чужую на просьбу о помощи. Он слишком силен и не слишком заинтересован в простых «смертных». Но Эра на то и Эра, чтобы отыскать ключ к двери без замка.

Вероника Мелан

Игра Реальностей. Эра и Кайд. Книга 1

Глава 1

Мир Уровней. Нордейл.

Айрини.

(Mat Kearney – Chasing The Light)

– Мисс Айрини, просыпайтесь! У вас на одиннадцать клиент!

Стук в дверь аккуратный, но настойчивый. Так стучит в камеру надзиратель, готовый вести узника на расстрел, но перед этим исполнить последнее заветное желание.

– Завтрак на столе!

Я до сих пор не понимала, люблю я ее или ненавижу – свою помощницу: немолодую полную женщину, вызвавшуюся за небольшую зарплату исполнять роль кухарки, экономки и секретаря. Внешностью Дамира обладала экзотической – имела темные раскосые глаза, смуглую кожу и черные, постоянно скрученные на макушке узлом, волосы. Макияж обожала чрезмерный: глаза обводила так, будто от стрел на веках зависела погода, настроение и общее мировое благополучие, про помаду вообще лучше молчать. Но готовила сносно и имела главное нужное мне качество – умела не выказывать свое мнение и не мешать.

Кроме моментов пробуждения...

– Мисс Айрини!

«Надзиратель» стоял по сторону танком, готовым превратиться в бронейный таран.

– Иду я...

Ноги на пол, темные волосы по плечам.

Когда-то я любила просыпаться по утрам. Год назад. А теперь, когда жила под чужим именем, в чужом теле и мире – нет. Потому что за первые несколько минут после возвращения нагулявшегося по снам сознания и после открытия век, я испытывала весь набор негативных чувств: от паники до глухого негодования.

«Я не Айрини... Меня – той, которой я когда-то была, – больше нет».

И будет ли вновь, неизвестно.

Но жизнь есть жизнь. Если я проснулась, значит, это все пока зачем-то нужно.

– Блинчики, джем, маслице. Кофе уже на столе. Сейчас уберусь у вас в спальне и уйду.

Мелькала у плиты цветастая юбка, брякала в раковине посуда.

– Обед в холодильнике – только разогреть.

Дамира – потрясающая женщина. Хотя бы потому, что, считая меня шарлатанкой (как и все), умела не осуждать. Я бы знала, если так, я бы почувствовала. Недаром ведь я уже почти восемь месяцев держала в Нордейле агентство «Счастливая Судьба», где оказывала людям, как полагали соседи, весьма сомнительные услуги по исправлению реальности. А я их действительно оказывала. И даже не филонила – не умела, потому что я Мена из другого мира. Корректор действительности, попавший в Мир Уровней по случайности. В грешное тело слишком тощей и неприметной, на мой вкус, Айрини Донатти. И нет, я ее не убила и не съела, и даже не вытеснила из собственной головы – в общем, долгая и неприятная история. И до сих пор не научилась любить эти тонкие пальцы, которыми теперь сжимала вилку; узкие вытянутые ногти; и эти тусклые темные волосы, которые терпеливо по утрам расчесывала.

Сейчас десять двадцать. У меня сорок минут на завтрак и хорошую зарядку. Нужно как следует растянуть и размять позвоночник – проводник главных энергетических каналов, иначе физическая оболочка плохо служит сознанию. В моей профессии – недопустимо. После короткая медитация – успокоение разума,

затем – клиент.

– Я вечером приду, ужин принесу.

Дамира походила на Вергерку из моего мира – женщину из нации чуть ушлых, умеющих приспосабливаться к жизни людей, с врожденным базовым пониманием чужой психологии. Сейчас черные глаза смотрели вроде бы на меня, а вроде бы и вскользь. Как если бы говорили: «Хорошо хоть черепа и свечи в доме не держишь. Меньше пыли вытирать».

Не объяснять же ей, что черепа мне не нужны в принципе. Меня с рождения умеют ощущать и управлять вибрациями мира, чувствуют тончайшие изменения структуры материальных и тонких вещей, способны подселаться в чужое сознание. Да, кое-где нас зовут «подселенцами» – некрасивое и неверное слово, которым обзывают не имеющих собственного тела астральных пиявок. Но я – не пиявка. И тело у меня было. Куда лучше нынешнего, между прочим...

Но не портить же себе настроение из-за несостоявшейся дискуссии.

– Хорошо. – Это про ужин. – Приноси.

Она брала за свои услуги всего пятьдесят долларов в неделю. И не слишком раздражала – умела прятаться под маской благодушия, в которое сама иногда верила.

– Тогда... хорошего вам дня.

В чем он заключался – ей неизвестно. Но платила я исправно.

– И тебе.

– До вечера.

Дамира выплыла из кухни, как сотканный из пестрых цветов и пышных форм корабль.

Я стояла на балконе с чашкой дымящегося кофе в руках. Скоро табличка на дверях агентства перевернется с «Закррито» на «Открыто», но эти пять минут мои. Совсем. Уплывала спешной походкой вдоль по освещенной утренним солнцем улице фигура моей экономки; гостеприимно распахнула вход пекарня напротив. Хороший проспект, хороший город, хороший Мир. В конце концов, он принял меня на границе, впустил к себе, позволил жить. Хотя бы так. И никто не виноват, что год назад я была куда более привлекательной внешне блондинкой, и звали меня Реной.

Почти Айрини.

Но нет. Айрини была парикмахершей и владела этой двухэтажной квартирой в Нордейле, в то время как я родилась и выросла на Литайе, далеком отсюда мире. Айрини принимала на первом этаже клиентов для стрижки, я – для исправления судьбы. Кабинет, конечно, пришлось переделать, благо средств на счету хватило, а деньги после – дело техники. Жизнь с рождения наделила меня правом вмешательства в дела тех, кто просит о помощи, а репутация нарабаталась быстро, ведь сарафанное радио до сих пор работает куда лучше наружной рекламы. Не стоит упоминать о том, что желающих изменить судьбу к лучшему во все времена находилось достаточно.

Узкий проспект оживал, наливался уверенным предполуденным светом, я же привычно ловила интуицией окружающие волны. Спокойно внутри, спокойно снаружи. Насколько это возможно, потому что Айрини – дама в прошлом, вероятно, с очень взбалмошным характером – наработала в собственном мозгу такое количество негативных нейронных связей, что я ежедневно скрипела зубами. Недаром она решила свести счеты с жизнью, наверное, несчастная любовь. Увы, ее пустое физическое тело, в которое я вселилась в последний момент перед угасанием, не сохранило памяти. Но без душевных мук, я была уверена, не обошлось. И, привыкшая в прошлом сомневаться и думать о плохом, Айрини теперь здорово осложняла мне жизнь в настоящем: приходилось каждые пять минут выравнивать собственное шатающееся, как пьяный матрос, настроение.

Хвала Создателю, моих сохранившихся способностей хватало на то, чтобы помогать другим. А вот чтобы помочь себе...

Чтобы каким-то образом помочь себе, мне требовалось перенестись на год назад в прошлое, изогнуть время. И, подсекаясь в сознание к людям, я искала

информацию о том, кто бы мог подобное осуществить (если мог), но пока не находила. Граждане Мира Уровней все, как один, панически боялись местной власти – неких невидимых, но вездесущих Комиссионеров, о которых практически ничего не знали. «Серебристая одежда, белая полоса на бортах машин, абсолютное могущество» – вот и весь набор знаний.

Про могущество, похоже, не ввали, потому что весь Мир Уровней сверху донизу был создан из очень гибкой, но незнакомой мне ранее по свойствам материи: чувствительной, филигранной, по-особенному «живой». А насчет паники граждан – это, похоже, подсадное. Каждый получал вмонтированную в голову дозу «страхалина» при переселении – ведь во все времена так проще управлять людьми.

Как бы то ни было, с Комиссионерами я пока не встречалась, да и не особенно желала. Чувствовала, что они, если и люди, то очень странные, и общий язык нам будет найти нелегко. А проблемы со «структурами» я уже имела в прошлом, и желанием получить их вновь не горела.

Оставшийся на дне чашки кофейный глоток остыл. Я выпила его почти без удовольствия.

Впереди зарядка. И первый визитер. Нужно поторопиться.

– Нужно, чтобы завтра клиент сказал в моем кабинете «да» и подписал договор. На тех условиях, которые уже предложены. Это возможно?

– Возможно.

Я откровенно скучала. Они, мои посетители, всегда просили одного и того же – счастья. Чувствовать себя хорошо. Только шли к этому посредством долгого передвижения через ненужные диалоги, встречи, сдачи экзаменов, компромиссы и заковыристые случайности. Нет, чтобы хоть один пришел и заявил прямо – «кайфа!» (с таким работать оказалось бы куда интереснее), но нет, очередная «сделка». Путь, состоящий из многих миллионов шагов, к радости.

Но не мне решать. Как говорится, «все разрешено».

- И это не должно выглядеть со стороны как давление...

- Не будет.

- Или как подлог...

- Тоже нет.

- Или как будто кто-то подсыпал клиенту медикамент, который вызвал податливое состояние ума...

«Вот это фантазия!»

- Никто ничего не заметит, я вас уверяю.

Уверять, находясь в слишком худом и угловатом теле Айрины, которое, как ни разместить в большом кресле, а все одно – выглядело тщедушным, было проблематично. А мой гость, мистер Рой Донкинсон, и без того оказался человеком весьма сомневающимся. И потому поинтересовался:

- Как вы можете это знать?

- Обыкновенно. Потому что это моя работа.

Парикмахерша-Айрины может и не выглядела уверенной в собственных силах, но вот голос мой звучал, как «даю вам стопроцентную гарантию или деньги назад на ваш счет» – это прописывалось в договоре.

Рой, сидящий на диванчике для посетителей, в который раз платочком вытер блестящую потную лысину, обрамленную «горшочком» из русых волос. Глаза его скрывали толстые, как прозрачные дверцы банковского сейфа, линзы круглых очков. И еще эти густые усы, резко контрастирующие с проплешиной – весьма занятный субъект, ориентировочно лет пятидесяти. Бизнесмен.

– У меня не будет второго шанса.

– Понимаю.

За восемь месяцев подобных диалогов стены кабинета слышали десятки, если не сотни.

– Второй шанс и не понадобится. Если я ответила, что смогу вам помочь, значит, я смогу.

– И... мистер Атрек... не усомнится?

– В чем?

– В том, что решение принял он сам?

– Конечно нет, – вздохнув, я пояснила. – Я ведь буду менять реальность не мистера Атрека – он ко мне за помощью не обращался, – а Вашу.

– В каком смысле?

Я заранее ощутила утомление. Рассказывать обычным людям то, что знаешь и понимаешь с самого детства, – задача сложная. А если это касается вещей, для которых в людском языке вообще нет слов, одни только ощущения, то совершенно непосильная. Но мне на самом деле не требовалось ничего объяснять, лишь убедить в собственной компетентности. И я, чувствуя себя третьесортным актером, зазубрившим на зубок один-единственный абзац текста, принялась декламировать.

– Мистер Донкинсон, вы допускаете, что ваша завтрашняя ситуация может развернуться, скажем, пятью разными вариантами?

«На самом деле несколькими миллионами: там, где клиент выпил воды, где не выпил, где крутил в руках ручку, где не крутил, где положил ее левее, правее или еще правее, где после толкнул ногтем среднего пальца... – и так до бесконечности». Начни я подавать правду в неупрошенном виде, и Рой спекся бы на первом же предложении. Поэтому я упростила.

– Где ваш клиент скажет «нет», где скажет «скорее всего, нет», где будет «не знать», где кивнет, что «скорее всего, да» и где будет полностью согласен. Допускаете?

– Конечно.

– Отлично. Теперь, пожалуйста, допустите мысль о том, что все эти ситуации уже существуют...

– Будущее в настоящем?

«На самом деле абсолютно ВСЕ существует только в настоящем времени, но тут проще спиться, чем объяснить».

– Просто существуют.

– Х...хорошо.

И по блестящей лысине опять прошелся влажный тканевый платок. После скрылся, сунутый дрожащей рукой в нагрудный карман. Скорее всего, Рой Донкинсон не из тех, кто привык обращаться за помощью к «доморощенным» провидцам или гадалкам, но важность завтрашнего момента толкнула его прямоком в мои объятия. И еще, вероятно, чья-то рекомендация. Человека, которому он доверял.

– Так вот, я сделаю так, что ваша судьба из всех существующих вариантов выберет тот, где клиент говорит «да» и ставит подпись. Это касается только вас. Не клиента. Понимаете?

Рой не понимал. Я не винила – он попросту не мог этого понять без той школы, которую я прошла, и без моих же врожденных способностей. Но держался стойко.

– А... как вы это сделаете?

Приехали. Ну, не спрашивает же он, как именно чинят мотор его машины, или какой инструмент берут в руки, чтобы изъять часть кишечника? Это детали. Мелочи и тонкости, известные лишь профессионалам.

Я утомленно заскользила взглядом по полкам с «умными» книгами, которые сама же покупала для антуража в лавке на соседней улице. Почти все антиквариат со стертými названиями – так солиднее.

Что ему ответить? Что я – Мена? И он спросит: «Какая такая Мена?»

И польется сага:

«Понимаешь, Рой, – я от напряжения начну говорить тише и подамся вперед, – Мены – это такие люди, которые рождаются в моем мире, чтобы в определенные моменты уметь вносить нужные и важные изменения в ткань бытия». – «Для чего? Для удержания равновесия мира». – «Что? Были ли мои родители тоже Менами? Нет, мир наделяет Даром случайного ребенка тогда, когда приходит правильный момент». – «Много ли нас рождается? Очень мало. Хорошо, если по всему миру наберется человек двадцать одиноживущих... Это означает „живущих в одно и то же время“». – «Что не так с равновесием нашего мира? Видишь ли, Литайя устроена иначе, нежели Уровни. Тут, насколько я поняла, сохранность целостности мироздания держит некий центральный объект, типа оси, а наша гармоничность реальности зависит от людских поступков. И, если кто-то замышляет недоброе – нет, не просто оскорбить соседа словом или совершить кражу, – а по-настоящему недоброе... Ну, например, проектирует оружие массового поражения или же готовит план убийства множества людей – тогда приходят на помощь Мены. У нас пожизненное разрешение от судьбы на вмешательство. Но ты не думай, только для пользы, во вред нельзя». – «Как это работает? Кто-то из нас – Корректоров Судьбы – получает заблаговременное видение о том, что собирается произойти. И мы предотвращаем ненужное событие: подсеяем в сознание врага, меняем мышление, перекраиваем восприятие. Распутываем родовые стрессы, если нужно...»

А уж, если бы он спросил «как именно?», я бы вообще плела ковер из слов до вечера.

Собственно, ведя мысленный диалог, я и так вот уже несколько минут сидела молча с весьма рассеянным видом. Нужно отдать Донкинсону должное, он в мой

мыслительный процесс не вмешивался. Наверное решил, что я уже колдую ему на пользу.

И я не стала разочаровывать. Ответила просто:

- Завтра все решится так, как вам нужно. А как – уже моя забота.

- Наверное, вы правы.

Он, уставший сидеть с прямой спиной и вспотевшей лысиной, зашевелился на диване, протянул мне свою фотографию.

- Вот, вы просили.

Все верно – по фото проще вступить в связь с объектами.

- Спасибо.

Я сунула ее в лежащий на подлокотнике блокнот.

- Встреча завтра в одиннадцать.

Сделала карандашом заметку туда же.

- Все пройдет отлично.

- Будем верить.

Рой не верил. Но очень желал надеяться. И нет, с его собственными установками и убеждениями, а точнее знанием о том, что в договоре прописаны невыгодные для клиента пункты, сделка бы не состоялась. Ее заранее погубил бы страх Донкинсона о провале.

И потому он пришел вовремя.

«Кто бы думал, что Мена будет торговать Даром...»

Только здесь я не Мена. Здесь я вообще непонятно кто...

А жить на что-то надо.

(P!nk – Happy)

Как вы дышите, так вы и живете.

В прямом смысле.

Если бы кто-то спросил меня о самом простом способе исправления собственной судьбы, я бы ответила – распрямите сутулые плечи и начните глубже дышать. Глубже, медленнее, со вкусом, средним отделом живота, а не верхом легких. Почему? Потому что такое дыхание автоматически переместило бы вас в текущий момент и начало расслаблять ваши напряженные мышцы, в которых физически застревают стрессы, страхи, сомнения, неуверенность. Вот и все. Так просто.

Но Шон Макконелли – симпатичный молодой парень, студент института химических технологий, посетивший мой офис пару дней назад, – ничего об этом не знал. И потому, первым делом, оказавшись слитой с его сознанием, я заставила тело Шона вдохнуть и сделать глубокий выдох. Затем еще и еще, пока плечи не расслабились, пока не перестал дребезжать от раздрая мозг.

«Спокойно парень, все отлично!»

Нет, я никогда не говорила с клиентами из их собственного разума, хотя и могла. Я вообще не выдавала своего присутствия, и тому находилось две причины. Первая – меня восприняли бы еще одним личным внутренним голосом и потому не прислушались бы. Вторая – понимание, что внутри тебя сидит еще один посторонний человек, очень быстро способно сдвинуть «фишку» и надолго выбить из нормальности. Из чего ясно – тоже не вариант.

Вместо этого я какое-то время наслаждалась «не собой»: рассматривала просторную аудиторию, где прямо сейчас шел экзамен, пустой лист, лежащий на парте под руками (большими руками парня с квадратными чистыми ногтями, хи), ручку с надписью «НордАвиа», отключенный сотовый черного цвета. Сидящий напротив аудитории седой профессор вид имел импозантный и расслабленный, но за студентами следил орлиным взором.

Шон волновался. Я же пока не вчитывалась в билет, который комкали пальцы. Я сканировала внутренние ощущения человека, частью которого оказалась: раздражение от того, что тему билета про «промышленный катализ» он когда-то читал, но, кажется, сейчас напрочь забыл; радость от предстоящей вечером у друга вечеринки; азарт от того, что некоего Рича, если тот будет задираться, он на этот раз побьет. И флер нежности... Потому что слева от нас сидела сочная молодая девушка-блондинка в розовом джемпере и рассеянно кусала накрашенные блеском губы. Шон ее хотел. Для души, для тела, для разговоров, для минутных и длинных встреч, для полного спектра эмоций, который парень может испытать с понравившейся ему дамой. А поверх нежного флера адская паника – ГДЕ ОНА???

Это про меня.

Конечно же, ему скоро отвечать на вопрос, а он сидит и думает о том, когда же я, наконец, появлюсь и помогу ему успешно сдать экзамен. Потому что, если он его не сдаст, его не допустят к следующей сессии, а там недалеко и до отчисления. Тогда уж точно – прощай блондинка. Ведь девушки дураков не любят, они любят успешных.

От хода мыслей Шона я фыркнула. Мы сами себя не любим дураками, но любим успешными – вот и вся разница. Ключевая, я бы сказала.

И все же, этот клиент мне нравился. Нравилась сумбурная голова, похожая на залитую солнцем подростковую комнату: на полу разбросаны носки, шорты и футболки, на стене баскетбольное кольцо и круг дартса, в углу клюшки для хоккея, пылится за шторой футбольный мяч. В шкафу над зеркалом плакат рок-группы, а рядом фото девушки с соседнего потока, с которой Шон пока еще даже не осмелился заговорить. В этой комнате я ощущала себя рыжей кошкой, растянувшейся поверх мягкого теплого пледа. Хорошо, уютно. Нравилось мне и раскачанное в тренажерном зале тело – гибкое, податливое, сильное. Нигде ничего не болит, не ноет и не тянет, как у стариков. Все молодое, рабочее,

крепкое.

Мне стало забавно, и я мысленно улыбнулась.

Мое собственное тело сейчас лежало на кровати в спальне – смотрело осознанный сон в квартире Айрини.

«Я здесь. Все отлично!» – отправила Шону не мысль, но отчетливое ощущение уверенности, спокойствия и надежности. «Я тут. Все сдадим!»

Нет, я не знаю назубок все темы мира, и уж точно не специалист в химической промышленности, но, если нужные знания не отыщутся в голове Шона, я подключу его к той версии себя, где он эту тему читал. Делов-то. И почему люди постоянно забывают, что это все Игра, и так напрягаются? Собственно, я тоже иногда забываю. Тем интереснее.

– Мистер Макконели, вы уже полчаса сидите, ничего не пишете. Хотите устно?

Профессор, конечно, уловил нервозность сидящего во втором ряду молодого человека и не преминул отвесить комментарий.

– Хочу.

У Шона от моего неожиданного ответа короткие волосы на затылке поднялись дыбом.

«Все, красавчик, я перехватываю управление, подвинься!»

Теперь испуганный парнишка сидел в углу, а невидимые поводья лошадей, запряженных в колесницу его жизни, держала я.

– Садитесь, я буду только рад.

Профессора звали Альберт Ван Линч. Красивое, достойное седобородого джентльмена, имя я вычитала в закоулках сознания.

– Я готов отвечать, мистер Ван Лич.

– Слушаю, слушаю...

Умные глаза пробежали по теме билета. Меня же, точнее Шона, сейчас сверлила недоверчивыми и завистливыми взглядами вся аудитория, включая Лию – девушку в розовом. Сейчас мы покажем ей класс...

И понеслось.

– Катализ, – Шон прочистил горло, – химическое явление, суть которого заключается в изменении скоростей химических реакций при действии некоторых веществ. Их называют катализаторами. Каталитические реакции весьма распространены в химии и некоторые из них можно провести в домашних условиях...

Оказывается, он все это читал, и мне не пришлось прибегать к сложным манипуляциям с его же версией из параллельного пространства.

– ... важное свойство катализаторов заключается в способности повышать избирательность протекания реакций. Если какие-то реагенты могут реагировать между собой по разным направлениям (то есть давать несколько различных продуктов), то с участием катализаторов во многих случаях образуется только какой-то один продукт реакции...

Аудитория притихла. Перестали скрипеть скамьи, шоркать по полу подошвы ботинок. Кто-то плохо прокашлялся и умолк. Профессор смотрел удивленно. Я балдела. Всего лишь открыла доступ к его же собственной памяти, которая на самом деле хранила абсолютно все, что когда-либо воспринимала.

Шон не сбивался. Вещал как преподаватель – неспешно, с толком, с расстановкой.

– ... Катализ принято подразделять на следующие типы: гомогенный, гетерогенный, ферментативный...

А дальше шли столь заковыристые названия и формулы, что я перестала воспринимать слова связанной речью, скорее фоновым радио, сама же рассматривала черные лаковые пуговицы на пиджаке Альберта, кустистые завитки его бороды. Момент «сейчас» всегда прекрасен, всегда правилен и идеален в своей абсолютной неидеальности. В сбивчивом дыхании студентов за спиной, в собственных вспотевших подмышках, сухих губах профессора, которые тот подпирал костяшкой среднего пальца. В мухе, сидящей на подоконнике у окна, в расположении бликов солнечного света на досках пола; чьем-то голосе за дверью, новом кроссовке, с утра натершем большой палец ноги.

Шон сдал.

Сдал так, что ему готовы были аплодировать свои же. Альберт ставил свою заковыристую роспись в зачетке со столь гордым видом, будто лично клонировал и вырастил умного Шона в пробирке собственными руками.

«Молодец!» – грел взгляд. Теперь не орлиный, а по-дедушкиному добрый за внука. «Так держать!»

И за эти моменты я люблю свою «профессию».

Когда Шон встал, развернулся и зашагал к проходу вдоль рядов, он чувствовал себя победителем. Властелином мира, его полноправным управляющим, едва ли не Создателем. Сияющей рок-звездой, любимчиком Вселенной, сыном Бога Богов.

И я вместе с ним. В этот момент я пропитывалась его «везучестью», обожанием самого себя, полнейшим восторгом от момента. Мы приходим жить за ощущениями и забываем их «ощущать». Позволять себе это делать. А я не забывала. Если бы меня можно было бы представить шариком, то сейчас я надулась бы от счастья до предела. Своего? Чужого? Не бывает разделения, бывает просто счастье.

И на радостях я помогла Шону преодолеть страх и подмигнуть-таки блондинке, которая тут же зарделась нежным румянцем.

Все, Шон был счастлив. То был его день. И мне даже жаль было его покидать на крыльце университета.

Но то была его жизнь, а мне пора возвращаться.

Однако он же – Шон Макконелли, паренек, полюбившийся мне своей незамысловатой простотой и незамусоренностью, – спустя сорок минут стоял перед дверьми агентства «Счастливая Судьба». И протягивал мне в качестве презента плетеную корзинку, доверху наполненную шоколадом и чаем.

– Это вам!

Он до сих пор светился. И так странно было смотреть на него снаружи, побывав у него в голове.

– Спасибо!

Конечно, он еще несколько дней назад заплатил мне пятьсот баксов (с каждого клиента я беру ровно столько, сколько он без особенного сожаления может себе позволить), но его радость требовала выхода наружу, я понимала. И это было приятно.

– Без вас бы я не справился. Я всего этого даже не помнил.

– Помнил, – я улыбнулась, – просто забыл, куда внутри собственной головы нужно смотреть.

– Я знаю, что не вспомнил бы.

На его щеке замечательная ямочка – озорная, сексуальная. Думаю, сегодня к ней прикоснутся пальцы Лии, которая уже приглашена на вечеринку. О, взбалмошная молодость, о бурление гормонов и чувств, как это прекрасно!

– Удачи тебе! Приходи, если что.

Он сбежал с моего крыльца легко и резво. А мне до сих пор помнилась гибкость и крепость его мышц изнутри.

Жизнь великолепна! А уж если с ароматным чаем и шоколадом...

(Skysurfer – Impressions)

Вечер.

Октябрьский ветер безжалостно рвал желтые листья с верхушек деревьев; похолодало. Еще вчера стояла теплая сухая погода и тополя полыхали солнечными макушками, а сегодня под ногами уже лежал плотный разноцветный ковер. Шагнешь – и ботинок утонет. Ставший знакомым мне Нордейл (и оставшийся за год все таким же незнакомым), подобно усталому старику, начал спешно тонуть в сумерках, с каждым днем все быстрее.

Мой ужин – рис со специями и мясом, оставленный в холодильнике Дамирой, – я ела неразогретым. Под очередной фильм-мелодраму о любви. Снаружи шумела и редела непогода, а внутри тепло. На экране любят друг друга – обнимают, целуют, дурачатся, клянутся в верности, дышат в унисон.

И я злилась. Не на героев. На то, что тоже хотела дышать с кем-нибудь в унисон, хотела любить и дурачиться, рассказывать тайны, открываться, балдеть от того, что тебя принимают целиком, «голой».

Что ж, я один раз побыла «голой». После чего лишилась жизни.

Да, одна-единственная ошибка «молодости» стоила мне тела и исковерканной судьбы.

А я все равно хотела любить.

Не дура ли?

Скрипели от раздражения зубы, скрипел на них переперченный (когда-нибудь я сделаю ей официальный выговор) плов. Щемило от вполне объяснимой тоски сердце – хочу любить, хочу вернуться домой, хочу, как прежде, радоваться жизни. Много «хочу» – мало понимаю «как».

Мой дар обнаружился в пять лет. Нет, не потому, что родители заметили странное, а потому что к нам в дом, привлеченные видением, пожаловали гости – Мены. Именно они впоследствии, помимо матери с отцом и обычной школы, которую я посещала, стали моими учителями. Две женщины. Они приходили к нам в дом дважды в неделю до самого моего восемнадцатилетия.

Мелодрама на экране давно закончилась, проплыли титры, началась реклама; я погрузилась в воспоминания.

Если бы не Мены, мои родители считали бы меня обычной. И я сама тоже. Разве что странной. Бесконечно сильная чувствительность толкала бы меня в объятия осознанных снов, и говорить на темы, которые мало кто сумел бы поддержать. О вибрациях пространства, о видениях, о том, что я могу слышать чужие мысли, воспринимать не свои эмоции, изменять их. Сложно представить, куда бы я забрела со своим даром, если бы не своевременные гости, которые спокойно и внятно растолковали моим родным, что их ребенок – необычный, а самому ребенку вещи, которых делать нельзя.

В списке «нельзя» содержалось не так уж много пунктов, а, если быть точным, всего один – нельзя никому рассказывать о том, кто ты. Общайся, играй, дружи, люби, но НИКОГДА не признавайся в наличии дара.

Тогда я, хоть и выполняла данный наказ, не понимала его причин.

Поняла позже – за Менами шла охота.

Управлять равновесием Летайи желали все, кто мечтал о власти. Разве посмеет послушаться народ, если пригрозишь ему апокалипсисом? Пусть не концом света, когда планета трещит по швам, но землетрясением, наводнением, штормами?

Дальше хуже – болезни физических тел, черные прорывы в пространстве, изменение магнитного фона, и, как следствие, мутации.

Человек хочет жить в счастье. Любой. И это та норма, к которой стремится каждый, если у него не съехала «фишка» от какой-нибудь родовой травмы или если он не сволочь от рождения.

Но увы! Именно такая сволочь с помощью манипуляций, хитрых стратегических ходов, шантажа и взяток забралась на самую верхушку правящей лестницы, а оттуда, убедив монарха в необходимости сего шага, создала специальную секретную службу. Теневых агентов. В простонародье – Теней. Тени якобы работали на благо государства – собирали единую базу данных о жителях для безопасности страны. Но на деле они выискивали тех, кто угрожал и также мог помочь в осуществлении параллельных монархических планов. Они искали нас – Мен. Во-первых, чтобы мы перестали предотвращать нежелательные для мира события, во-вторых, чтобы использовать нас как собирателей нужной им информации. Конечно, кто лучше Мены, способной внедриться в чужое сознание, может считать код доступа для сейфа с документами? Пароль от кнопки запуска квантовых ракет? И еще миллион нужных Теням деталей...

Только мы.

Но объясни все эти скучные, серьезные и крайне важные вещи подростку, который просто хочет любить...

Рори сказал, что он такой же. Сам сказал – первый. Что он чувствует мир иначе, что улавливает чужие намерения, что способен проникать в глубинные слои мироздания и оттуда черпать идеи и вдохновение.

И я влюбилась. Подумала – мой человек. С таким никогда не будет скучно, такой поймет любую ситуацию, никогда не обидится, с таким можно создать совершенно новую – свою собственную Вселенную.

Нет, я не призналась ему в том, кто я. Просто по уши утонула в счастье: мне было девятнадцать.

Это позже я узнала, что таких «Рори» ходило по нашей стране великое множество – хорошо, если каждый десятый, а не каждый пятый. И все они воспевали величие осознанной жизни, свободу снов, доверчиво шептали про просыпающийся в них дар, трепетно спрашивали: «Ведь ты понимаешь, о чем я?»

Я верила, что тот, которого я знала как Рорке Товач, – симпатичный парень с веселыми карими глазами, завитками каштановых волос и улыбочивым ртом – настоящий. Он и был настоящим, конечно же, только не человеком с Даром, а агентом Теней.

Но я этого не понимала, пока мне не стукнуло двадцать.

И пока однажды меня не привели в странное захолустное здание, где на меня надели обруч тишины, а после спросили: «Поговорим?»

Та комната мне после часто снилась – облезлая, похожая на вытянутую камеру. С наглухо забитыми окнами, одной дверью, вздутым волнами по полу линолеумом и, на удивление, новым белым столом, на котором стоял чужой ноутбук.

«Не отпирайся... Мы знаем... Ты говорила ему...»

О том, что они – Тени, я поняла по темно-синей форме с серым вензелем на погонах. И еще по лицам. Точнее – по взглядам: частично мертвым, частично злым.

«Обруч не даст тебе позвать на помощь или залезть к нам в башку...»

Даже теперь эти воспоминания текли в моей голове не плавно, а пенились кислотой. Опустошение от предательства (а ведь я не говорила ему прямо, но Рори, к тому времени поселившийся в моей квартире, отыскал косвенные улики – ежедневник, куда я записывала сны, медальон для гармонизации), бешеные лица, угрозы. Я думала, мы здорово жили, как два счастливых человека. Смеялись, готовили завтраки и ужины, гуляли, обнимались. А оказалось, счастливо жила только я, он же просто безжизненно следил за целью, как

следит за куском сочного мяса мертвый голодный бог.

Дерьмо. До сих пор вязкий гадостный вкус на языке и в мыслях.

Прежде чем я сделала это – схватила со стола чужой пистолет и выстрелила себе в голову, – меня пытали пять суток. Пытались дожать, расколоть, уговорить, умаслить, запугать. Пять дней и ночей без перерыва на еду и нормальный сон. Обещали, что «заказ» будет лишь разовым, что после отпустят, что никогда не побеспокоят вновь, что другие Мены не узнают.

Я сжимала зубы и молчала, когда обещали деньги, бешеные привилегии и статус личного помощника Монарха. И поняла, что уже никогда не выберусь из этой комнаты, когда сообщили, что в следующие двадцать четыре часа возьмутся за моих родных. Сначала в ход пойдет отец, затем мать... Если не поможет, вся родня по очереди.

Без шансов.

К Теням попадают уже навсегда, Тени не отпускают. Один заказ превращается в тысячу заказов, шантаж плотно укутывает будни, родные уже никогда не будут в безопасности. Даже сейчас я не понимаю, для чего держалась пять дней, ведь уже с первых часов знала, чем все закончится.

Нет, знаю. Я ждала, когда снова начнут запугивать оружием, когда неосмотрительно, всего на одну секунду, оставят без присмотра пистолет.

И я сделала это.

Выстрелила себе в висок.

Это было очень страшно.

Но у Мен нет иного выбора – они сохраняют равновесие Мира, а не разрушают его.

Наверное, я очень хотела жить. Очень. И наверное, об этом я кричала во Вселенную умирая. Я была фигуристой блондинкой среднего роста, с синими глазами, светлой кожей и красивыми пухлыми губами. Мне завидовали сокурсницы, меня зазывали участвовать в конкурсы красоты...

А очнулась я от холода уже в Мире Уровней – на галечном берегу Даллского озера, ночью. Тощей брюнеткой, ненавидящей себя и жизнь. Саму Айрини я застала в ее собственной голове лишь на секунду – уже как ускользающий дух. Она больше не злилась (уходящий человек всегда спокоен), ей было не до меня. И тогда, и сейчас я удивляюсь тому, что она сумела уйти, просто договорившись со своим высшим Я – это удастся немногим. Чаще, для того чтобы умереть, человек портит себе тело травмами или ядом. Айрини же просто приняла решение уйти, и ее тело не пострадало. Вероятно, местные медики после сказали бы «остановка сердца, причина не установлена» или что-то в этом роде, но я перехватила ее пульс на последнем ударе. И даже не успела с истинной хозяйкой поздороваться.

До сих пор помню, каких усилий мне стоили дальнейшие действия: осознать себя в новом теле, не замерзнуть (эта дурында отправилась на прогулку в тонкой кофточке), отыскать документы, адрес, такси... Для тех, кто умеет ориентироваться в осознанных снах, перемещение в иной мир – такой же сон. Просто очень реалистичный.

И да, Нордейл еще несколько дней после случившегося казался мне ненастоящим, зыбким.

Пока не утвердился в моей голове, не сформировался и не уплотнился окончательно.

Он не отторгнул меня. И вот я здесь.

Прошел год.

Все еще в ее квартире, в ее шкуре, разогнавшая всех «бывших» друзей, чтобы не приходилось перед ними прикидываться, но не нашедшая себе новых. У меня и на Литайе их не было, что поделаться, не та у Мены «специализация». Сложно дружить, когда способен залезть человеку в голову, когда он для тебя –

конструктор, а не закрытая книга с тайнами, интригами и сложностями.

Жаль, что я вовремя не залезла в голову Рори, но ведь мы поклялись друг другу (на этом месте я усмехнулась криво и жестко) в неприкосновенности сознаний. Чтобы все честно, чтобы через доверие. Доверие, блин!

Хотелось материться.

Наверное, мне и сейчас его – этого доверия – хотелось, если быть честной. С кем-то настоящим, любимым и родным. Как в тех фильмах, которые я бесконечной чередой крутила вечерами. Вот только умри я снова, примет ли меня еще какой-нибудь мир? Или теперь насовсем?

Проверять я не спешила.

И этими тоскливыми одинокими вечерами, когда я гасила свет собственной спальни, меня грела одна-единственная мысль: как хорошо, что мои родители, вырастив дочь и отпустив ее в свободное плавание, переехали жить на побережье. Как и мечтали.

И они до сих пор верили, что у меня, живущей далеко от них, все хорошо. До сих пор. Иногда, погружаясь в медитацию, я касалась (здесь не важны ни миры, ни расстояния) маминого сознания – легкого, спокойного, расслабленного.

Иногда, срываясь, мне хотелось ей кричать – обними, слышишь? Подари тепла, я все еще маленький напуганный ребенок, мне очень нужна поддержка! Но тогда бы она заволновалась.

И я молчала.

Пусть верят в то, что я не звоню лишь потому, что загружена счастливой суматохой будней. Пусть вместе с отцом наслаждаются прибором.

(Aash Mehta feat. Lydia Kelly – SilverLinings)

Стоит расслабиться – и любая нужная ситуация сама разложится выигрышным пасьянсом.

Так и случилось у моего лысоватого приятеля-бизнесмена, даже время тратить не пришлось. Уже в половине двенадцатого следующего дня Рой Донкинсон мысленно праздновал победу – клиент подписал бумаги.

Еще бы не подписал... Ведь в голове Роя заранее побалдела, торжествуя ее же – выигрышную партию, я. Их «веселую» компанию, расположившуюся на четырнадцатом этаже офисного здания в центре Нордейла, я покидала с блаженством человека, честно выполнившего свою работу. И отправилась пить кофе. Точнее, очнулась дома на своей кровати, поняла, что сегодня Дамира в честь некоего предстоящего праздника сверху донизу облилась духами, распахнула настежь все окна и пошла отсиживаться в ближайшую кофейню.

А часом позже, вернувшись в квартиру, всерьез рассматривала идею написать объявление: «Господа, имейте наглость наслаждаться бытиём!» – и повесить его на входную дверь. Зачем? Да потому что это лучший и единственный совет, который можно дать «всяк-сюда-входящему». И ведь воспримут же или шуткой, или издевкой (знаю я своих клиентов), но на самом деле, последуй каждый из них за радостью в течение месяца, и обращаться бы сюда не пришлось.

Бухтела я, однако, с любовью. Каждый играет, как может, чем хочет и во что верит, что не хочет. В общем, все разрешено.

Но двое мужчин, позвонивших мне практически друг за другом и спросивших: «А вы можете помочь мне выиграть в лотерею?» – все же навели меня на мысль об объявлении. Ну как, спрашивается, объяснить людям, что если ты не способен наслаждаться банальным вдохом-выдохом, вкусом отварной картошки и походом в туалет, то не будешь способен наслаждаться ни полуторамиллионной яхтой, ни сексом с красавицей с обложки «Эроса», ни множеством нулей на банковском счету?

Верно, никак.

Рисовать объявление я не стала.

Мне все-таки нужны клиенты, а им – их игры, все честно.

В два ко мне пожаловала немолодая и оплывшая, как восковая свеча, женщина. Я бы сказала «видавшая виды». Но вроде как о людях так не говорят? Да и какие виды? Ее история грустна, как вальс, сочиненный в блокадном городе, а мне от собственных мыслей хочется хихикать. Пришлось натянуть если не скорбное, то хотя бы ровное выражение лица.

– ... Хочу от него избавиться, понимаете? Сил моих больше нет...

Это она о нелюбимом муже.

Рыжие волосы накручены, но спутаны; посетительница так и не сняла коричневый плащ – забыла. В руках сложенный зонтик, с покатога плеча сполз ремешок кожаной сумки.

Пришлось прочистить горло:

– Простите, но я никого не убиваю.

– Нет-нет, что вы...

– И не усыпляю, не отправляю в космос, не навожу смертельные проклятья. «Счастливая судьба» у вас не означает, что кто-то должен пострадать.

– Я совсем не об этом.

– О чем тогда?

Посетительница горестно вздохнула и уставилась в окно столь трагично, будто один только этот взгляд оттачивала для приемной комиссии театрального института годами.

– Я о том... Понимаете, я не могу решиться на этот разговор. Сказать ему, что ухожу. Поверьте, я совсем не желаю ему горести или болезней, я просто хочу, чтобы он позволил мне уйти.

– А в чем, собственно, проблема? Решиться?

– Да, решиться.

– Думаете, не позволит уйти?

– Он... он может поднять руку.

Вот тут трагизм уже передался мне. Оказывается, все не так забавно, каким казалось на первый взгляд. Значит, муж – тиран, жена – жертва, которая хотела бы вырваться на свободу и обрести новую жизнь. Ее стремление похвально, и страх понятен.

– Хорошо. Триста долларов.

Теперь удивление отразилось на ее лице.

– Т...так просто?

– Да, так просто. Он отпустит вас легко, без лишних слов и проблем. Это ведь то, что нужно?

– И вы... его... не убьете, не покалечите... как-нибудь ментально?

Мы что, поменялись ролями?

– Нет, я сделаю так, что вы обретете уверенность, которой не чувствовали раньше. Ваш муж это ощутит и отзовется соответственно, как слабый отзывается на сильного. Даст проход.

– Вы, правда, сможете это сделать?

И вдруг она перестала быть «оплывшей свечой», ожила изнутри так непривычно, будто не позволяла себе этого последние лет двадцать.

– Смогу.

– К...куда переводить деньги? И фото? Вам ведь нужно чье-то фото? Мое, его?

– Фото ваше. И скажите, когда вы хотите, чтобы состоялся разговор.

Долгая пауза, снова страх в глазах.

– Завтра вечером? Днем? – решила, что стать свободной она хочет как можно скорее, но сегодня с нервами не совладает.

«Зря, могли бы хоть сейчас...»

– Хорошо, завтра днем. Все пройдет очень гладко, гораздо лучше, чем вы рассчитывали. А сегодня вечером, чтобы успокоиться, можете представить самый лучший из возможных сценариев. Чтобы понять, что все может быть просто. Это домашнее задание. Усекли?

– Усекла.

Она впервые улыбнулась. И я вдруг поняла, что не такая уж она и «затасканная», скорее усталая. И что я буду искренне рада ей помочь.

– Наберите меня перед разговором.

– Да, хорошо.

Проверила, что моя визитка у нее есть. И ушла совсем другой походкой – походкой женщины, готовой расправить плечи и поднять подбородок. Молодец!

Как же нам всем иногда нужен кто-то, держащий за руку: проводник, поводырь, просто друг, в конце концов. Даже мне. Но горестно вздыхать по этому поводу я не стала, решила, что куда лучше выпить перед медитацией ароматного чаю.

(Niia – Nobody)

Помедитировать мне не дали. Не успела я поставить опустевшую, но все еще горячую кружку на стол, как в дверь уже звонили.

«Медом я сегодня, что ли, порог намазала?»

А внутри знала ответ – мне скучно. И одиноко. Вот я и развлекаю сама себя визитерами, сама себе же отвечаю на негласный запрос на «друзей». Пусть так. Пока шла к двери, решила, что вопрос с «желанием иметь здесь друзей» надо бы прояснить этим вечером более осмысленно, а не то наколдую себе по сотне клиентов в день. Финансово обогащусь, но личную жизнь (пусть пока отсутствующую) окончательно потеряю. Не дело.

И вот снова женщина на диване для визитеров. На этот раз молодая, примерно моя ровесница (в смысле – моя, а не Айрини, которая выглядела примерно на тридцать), симпатичная, но совершенно без макияжа. Блондинка в неприметной одежде и обуви, подходящей скорее для уединенного ранчо в горах, нежели для мегаполиса, – в брюках, клетчатой рубашке и с рюкзаком.

«Тебе б еще шляпу...»

А история оказалась противоположной той, что я недавно слышала – «помогите сохранить отношения с парнем».

Боже... Мне хотелось храпеть в кресле, накрыв лицо скучным романом забытого классика.

– ...не понимаю, что между нами происходит, но он охладевает. Я чувствую. И, скорее всего, не сегодня-завтра скажет мне что-нибудь ужасное, например о том, что мы расстаемся...

Классик пока однозначно казался мне веселее, чем эта драма.

– Чего вы хотите от меня? Я не возвращаю «мужей», так как могу воздействовать только на вас – человека, пришедшего ко мне за помощью. Но не на него.

Блондинка молчала. Слишком бледная – почти белые волосы, светлая кожа, блеклые губы. Ей бы побольше цвета.

– Но ведь все так хорошо начиналось! – шептала она беспомощно. – Он сам говорил, что я – идеал. Лицо, фигура, голос... Как будто я чего-то не замечаю, не понимаю, что происходит. Он уйдет – чувствую.

«Ну, чувствуешь, значит, точно уйдет!»

Жаль, что люди забывают о том, что творят реальность не словами или действиями, а именно чувствами.

– И все-таки, чего вы хотите от меня?

– Помогите.

Ее сиплый писк-хрип.

– Чем именно?

– Вернуть наши отношения, – и сама же поправилась, – понять, что я делаю не так. Что именно ему не нравится?

А вот это уже другое дело! Когда человек просит «помоги мне понять» – это вполне даже личный запрос, на который я могу ответить.

Я сняла воображаемую книгу классика с лица.

– Фото его есть?

– Есть!

Она восторгалась, как молодая кобылка, которую пообещали отвести на случку. И тут же извлекла из рюкзака фотокарточку размером десять на пятнадцать. А на ней вполне себе симпатичный молодой мужчина – уверенный, амбициозный, деятельный.

– Ну-ка, давай поглядим...

Все оказалось проще простого – Алиа (именно так звали мою клиентку) парню на фотографии нравилась. И внешне, и внутренне. Его перестало устраивать другое: ее привычка скромно одеваться, отсутствие навыков светского этикета, блеклый вид. А ведь бизнес идет в гору, партнеры все важнее и заковыристее. Хотелось бы, чтобы дама рядом соответствовала. Нашлись также в голове человека по имени Роберт Гарденер и еще кое-какие потаенные желания, заставившие меня улыбнуться.

Так с улыбкой я и посмотрела, когда открыла глаза, на Алию. Та заволновалась – мол, есть контакт?

Она так искренне верила в мою магию, что я сама себе казалась не то прожженной руанкой с сигаркой в зубах, не то могущественной потомственной ведьмой в ободах и золотом в ушах.

– Что ж, – кивнула я одобрительно, – выход есть. Но вам придется меня слушаться. Будете?

– Буду!

Видно, что мистера Гарденера Алие терять не хотелось.

– Во сколько у вас ужин сегодня? – и посмотрела на часы. – Как раз успеете сходить за темным классическим коротким платьем, туфлями на высоких шпильках, и зайти в парикмахерскую.

– Зачем?

Спросила так, будто в цирюльнях исключительно брили наголо.

- Сделаете себе высокую прическу, попросите «томный» макияж с яркой красной помадой. Девочки поймут.

- Что еще?

Хорошо хоть бледнела, но не спорила.

- Еще вам нужно приобрести чулки с подвязками и духи «Мезанос» – он от них балдеет.

- Но я...

- Да, я в курсе, не носите стойкие запахи. Но тут придется выбирать: или старые привычки, или парень. Кстати, не забудьте купить себе книгу по светскому этикету. Роберт будет рад, если вы вместе научитесь встречать важных гостей.

Я не сразу поняла, почему она молчит. Потрясенно так. Вроде настороженно, а вроде и ошалело. Ах да, она же не называла мне его имени.

- Все ясно?

- Да.

- Ну и отлично.

Вроде как и деньги брать не за что.

- А это поможет? – спросила уходя.

Эх, это так поможет, что лучше бы я сегодня переключилась и посмотрела ваш порно-канал вместо своих мелодрам, но ведь неудобно. Мораль и все такое.

- Увидите.

- Спасибо!

Пожалуйста. Кому-то сегодня предстоит насыщенный день.

Спустя полчаса после ухода гости я полезла в ящик за газетами, где и обнаружила пятьдесят долларов. Чем богаты, как говорится. Улыбнулась. На хорошее настроение хватит. День вполне себе задался.

- А у вас диплом есть?

- Есть.

Незнакомый мужской голос вырвал меня из сна, куда я благополучно провалилась медитируя. Сколько раз зарекалась ставить телефон на бесшумный? В комнате безмолвие, на часах половина четвертого. Вечереет.

- А диплом какого заведения?

- ШУЖ. Школы Управления Жизнью.

- Вы ее окончили?

Вот же дотошный.

- С отличием.

Не признаваться же ему в том, что я всего лишь несколько месяцев назад узнала об ее существовании. А на курс там дается год. А курсов восемь. И потому я сразу же записалась на первый, выяснила, кто отвечает за изготовление дипломов для выпускников, отвлекла его внимание на несколько минут и наваяла себе такой же. Настоящий - со всеми вензелями и печатями. Собственно, оригинал от оригинала и не отличить. Что до служащего, в его памяти не осталось никаких воспоминаний - все чисто, мирно. Заветная бумага теперь красовалась в рамке на стене кабинета для приема посетителей на почетном месте. И да, я честно посещала эту школу два раза в неделю - отсиживала для забавы одну или две лекции, записывала задания на дом. И ни

одно из них не выполняла.

- И какая у вас степень?

- Степень супер-пупер-мегамагистра!

Есть такое чувство, когда смешно и звереешь одновременно.

- Это...

Незнакомец на том конце не нашел слов, чтобы выразить не то недоверие, не то удивление.

- Что... так и написано?

- Нет, написано: «Это самая матерная ученица школы. Была исключена после первого занятия». Так понятнее?

И короткие гудки.

Нет, кто-то однозначно до счастливой судьбы не дорос.

Я злая? Да. Добрая? Да. Сочувствующая? Да. Равнодушная? Да.

И еще: счастливая, депрессивная, искренняя, недоверчивая, легкая, серьезная, вежливая, грубая, чистая, циничная, задорная, занудная, великолепная и ненавидящая себя же.

Все это версии меня. Их миллиард.

И я могу позволить себе выбрать себя любую.

Мены с детства учили меня тому, что проблемы у человека начинаются тогда, когда он начинает считать что-то из перечисленного выше плохим, а что-то хорошим. И, как следствие, ментально расслаивается – усиливает то, с чем

борется. Ненавидит в себе грубость? До бесконечности плодит вокруг себя грубиянов, работающих для него зеркалом. Терпеть не может в себе нытика? И окружен ими. Не приемлет злость? Тогда пытается давить ею во всех, до кого может дотянуться. Эффект, собственно, обратный.

Это я к чему: бесполезно руководствоваться словами «хорошо» и «плохо», если хочешь привести мир в порядок. Лучше обратиться к вопросам: «Мне это приятно? Мне это выгодно? Мне это интересно?» И сделать их «фильтрами» жизни.

Подобным образом я размышляла после того, как положила обратно на тумбу трубку.

А после, вдруг, словно озаренная ярким светом, поняла – все, мне надоело одиночество! Оно мне более неприятно, невыгодно и неинтересно. Хочу друзей! Душевных и настоящих!

О, как!

Ну все, запрос отправила. Как говорится, жди событий.

Глава 2

(Mary and Brianna – In the Morning)

Бернарда.

Проснулась я от взрывов. Подрагивала кровать, трясся потолок, хорошо, хоть штукатурка не сыпалась. Михайло лежал на моей подушке и с опухевшим видом смотрел на входную дверь, наверное, ждал, что в нее вот-вот вломятся захватчики.

– Опя-я-ять... – простонала я и накрылась подушкой. – Как здесь спать-то?

Нет, я однозначно попрошу Дрейка выделить нашим «отрядным» отдельный дом для забав, а не превращать в балаган мой собственный. Вот только Фурии к нашему с Клэр особняку привыкли, и переезжать не желали. И потому Дэйн Эльконто со Стивенном Лагерфельдом зачастили именно сюда.

Бум! Бум! Бах!

Я вздохнула. На часах почти десять утра – в общем, скоро день. Дрейк в эту ночь работал, и потому я допоздна засиделась с Клэр, а после уснула в старой спальне. А спозаранку явились гости.

– Давай телепортируемся отсюда вместе с домом? – предложила я Мише. – Пусть они дальше на лужайке играют. А особнячок поставим ближе к лесу, где тишина и покой.

От звуков моего голоса кот довольно прищурил глаза, а после затарахтел. Решил, что если я не беспокоюсь, то и ему не стоит пугаться доносящегося из гостиной грохота.

Я погладила его по голове.

– А потише никак?

Умывшись и одевшись, я стояла на пороге комнаты, в которой раньше спокойно завтракала. Теперь же стол был сдвинут к одной стене, диван к другой, а вместо ковра красовалось огромное поле для живых шахмат, которыми были смешарики. Вероятно, Стив только что сделал удачный ход, и теперь мохнатый слон воевал с таким же мохматым, высотой почти в полметра, ферзем. Закидывал его гранатами, стрелял в упор и опутывал заклинаниями.

– Эй, – веселился сидящий на полу Эльконто. – Давай, присоединяйся! Еще печенье осталось...

И ткнул в сторону тарелки, на которой половина песочной печенюхи и куча крошек.

– Ой, закончились...

– Уже несу новую партию! – Мимо меня ловко протиснулась Клэр с тарелкой извлеченных из духовки десертов – на этот раз ореховых корзиночек. – Не поверишь, едят, как не в себя!

А в голосе возмущение, перемешанное с восторгом. Вот ей точно – чем бы гости ни занимались, лишь бы кушали хорошо. Дурдом. Хоть смейся, хоть падай.

Дело в том, что эти двое – Дэйн со Стивом – недавно обнаружили, что шахматы из фурий куда смешнее обычных: они тебе и жрут друг друга со вкусом (понарошку, конечно), и в зомби обращаются, и напалмом друг друга поливают. И забросили Войну. Оба быстро отыскали толковых заместителей и до начала тренировок в Реакторе повадились ходить сюда. А кто там спит или нет – дело третье.

– Ди, давай сыграем партейку. Хочешь, твои будут Пегасами?

Понятное дело, Фуриям было все равно в кого обращаться. Но на голодный желудок мне было не до Пегасов и не до Единорогов. Хоть бы чаю выпить...

– Я тебе на кухне накрою. Поешь?

Не успела я покинуть гостиную, как особняк сотряс очередной взрыв. На этот раз штукатурка точно посыпалась – не настоящая, но очень на нее похожая.

– Что у нас в меню? Сырники с известкой? Кофе с пылью? Не обижайся, но сегодня я лучше где-нибудь в другом месте.

И побежала вниз по лестнице за ботинками и курткой.

Из дома я испарилась до того, как Клэр успела меня догнать и попытаться переубедить.

В телепортацию я окунулась спешно, как в омут, – телом и душой. Даже не успела придумать, куда именно хочу попасть, и потому глаза открыла в почти незнакомом месте. На тихой, свежей и сырой улице, рядом с кафе «Кондитори».

Ух ты как! В этом месте, находящемся очень далеко от моего дома – на другом конце Нордейла, я побывала один-единственный раз. Но, как оказалось, отлично его запомнила. Все потому, что это кафе «Кондитори» своим задним двором подпирало самую окраину города – поле и густой красивый лес. Ни строений, ни дорог, лишь природные просторы...

Так вот о чем я, оказывается, мечтала – о покое, вкусной еде и тишине!

Свежее октябрьское утро и отличный кофе, ожидающий за дверью. Что еще нужно?

Иногда становишься счастливым за одну секунду – когда из осенней влажной, но удивительно приятной непогоды, попадаешь в теплое помещение, пропитанное сотней вкусных запахов. Их, обитавших под одной крышей, окутал такой клуб, что не распутать: сладость от клубничных шапочек на тортах, терпкость от апельсиновых пастил, ваниль сдобных булочек. И ни одного посетителя внутри. Стоя перед прилавком, я на удивительно долгий момент утонула в самом настоящем блаженстве. Нет, не потому что желала съесть все, что видела, но потому что желала унести с собой вот этот миг бесконечного удовольствия и после растянуть его на весь день.

– Что желает мисс? – доброжелательно спросил меня мужчина с аккуратной бородкой, стоящий за прилавком.

– Мисс желает сырников. Без изюма.

Бариста, он же официант, если и удивился, то вида не подал. Кивнул.

– Будет сделано. Кофе?

– И кофе. Без пыли.

И я улыбнулась одной мне понятной шутке.

Нежнейший и вкуснейший завтрак был запит ароматным кофе из маленькой чашечки; из окна у дальней стены открывался потрясающий вид на укрытый бурой пожухшей травой луг. Радовал глаз и разноцветный наряд рябин и ясеней, и повисший над полем влажный туман. Моросило. Единственное, чего мне не хватало для полного счастья – одного утреннего «привет» поцелуя от самого любимого мужчины в мире.

– А можно мне еще два стакана кофе с собой?

Я все равно не напилась, а Дрейк порадует. Потому что по непонятной мне причине, так и не установил нормальные кофейные автоматы в Реакторе.

(Mary and Brianna – I See Love)

Он стоял в любимом просторном кабинете, где на дальней стене добрый десяток голографических экранов, идеально белые стены и даже есть окно – редкость для Реактора. Отодвинутый за ненужностью стул-кресло у стены; пустой стол, на котором лежит единственная ручка... Спросите, для чего, если никто никогда ничего не пишет? Извечный антураж для людей, чтобы Комиссионеры не смотрелись дико.

Когда Дрейк услышал мои шаги и обернулся, его губ коснулась улыбка настолько нежная, что я оплыла. Поставила кофе на стол и со смехом спросила:

– Вот как ты это делаешь?

– Делаю что?

Я положила ему руки на плечи; меня за талию обняли самые лучшие на свете ладони – теплые, крепкие.

– Умудряешься потрясающе выглядеть после бессонной ночи? И действовать на меня так, будто мы познакомились только вчера.

– Ну как же, – улыбок Дрейка существует миллион вариантов, и та, что сейчас предназначалась мне, говорила «верь мне, я абсолютно серьезен», – с утра я иду в Реакторную парикмахерскую, где меня бреют и стригут, далее принимаю феромонный душ, после прохожу процедуру омоложения, чтобы тебя не встречал старый усталый пень. А после, понятное дело, быстро произношу ежедневное привораживающее заклинание.

Он однозначно научился шутить. И делал это с тем самым озорным взглядом, за которым скрывался совершенно другой человек – очень даже серьезный и всемогущий. Гранатометное сочетание – напускная шутливость и способность подчинить человечество.

А после мне достался поцелуй настолько приятный, что эта мысль укоренилась во мне на веки вечные – я самая счастливая женщина на земле. И не хочу быть нигде, кроме места, в котором есть сейчас.

– Знаешь, твои манипуляции работают.

– Я рад.

Он сумел произнести это настолько проникновенно, насколько трепетно произносят на свадьбе заветное «я согласна».

– «Великому и Ужасному» кофе? – я кивнула на стоящие на столе стаканчики. – Пока не остыл.

– За «Ужасного» буду вечером ругаться.

И мое внимание моментально сместилось не туда, куда следовало – к радостно ослабившимся коленям и не вовремя сладко занывшему узлу в животе.

– Не смей!

Теперь смеялся Дрейк – то зрелище, к которому я никогда не привыкну. За искренним смехом терялось все – возраст, тяжеловесность, могущество. Мы однозначно находились с ним на одной волне «Счастье. фм». И пусть весь мир подождет.

– Ты пришла, потому что эти разбойники опять гоняют у тебя шахматы?

Все-то он знает. Но на самом деле я пришла за поцелуем. И потому что соскучилась.

– Чтобы увидеть тебя. И угостить кофе.

Он умел быть благодарным в одном взгляде, который формировал вокруг нас собственную Вселенную.

А дальше наша минута тишины. Дрейк сидел в кресле, развернувшись к экранам лицом, пил кофе; я стояла сзади, зарывая пальцы в его волосы, по-свойски ероша прическу – действие, в целом мире разрешенное только мне.

Бесконечное множество непонятных символов на мониторах; ароматный запах кофейных бобов, от которого до сих пор трепетали ноздри. Покрывало из мягчайшей радости.

– А что написано на самом правом? – спросила я из праздного любопытства.

– Верхнем или нижнем?

– Верхнем.

– Там шестая просьба от представителей Комиссии внимательно рассмотреть мир Земля на предмет пригодных для жизни с Комиссионерами женщин.

– Ты это серьезно?! – я поперхнулась.

– Серьезно. И это за последние два месяца. Думаешь, они не замечают изменений на моей или Джоновой физиономии? Хорошо жить хочется всем.

- Да ты шутишь!

- Тебе перевести текст на понятный?

И едва уловимый жест рукой. Непонятная белиберда на верхнем мониторе вдруг стала читаемой. А там текст: «От Питера Вальда, номер 36692. Ввиду сложившейся ситуации, просьба уточнить наличие на планете Земля людей женского пола, обладающих фоном H44bssd...»

- А что за цифры в конце?

- Это условное обозначение типа энергии. Твоей. Оно нормально не переводится.

Так он не шутил!

- Они хотят... жен?

Теперь от смеха давился Дрейк. И его реакция была мне понятна: для того чтобы стать совместимой с Комиссионерами, мне пришлось умереть, а Яне пережить удар молнией. Не всех же наших теперь шаряхать током с надеждой, что кто-нибудь выживет?

- И что ты им отвечаешь?

- Пока ничего. Сама понимаешь.

Вот дела! А я и не знала.

- А что на среднем?

- Статистика по атмосферным процессам десятого уровня. Нужно разобраться с локальными загрязнениями.

- А левее?

– Это будет сложно объяснить. Расчет химического строения нового элемента для материального мира.

М-да. Непросто.

– А это кто?

На самом левом экране красовалось незнакомое женское лицо. И вновь белиберда из Комиссионных символов.

– Это? Любопытная личность, за которой я уже давно наблюдаю. Зовут Айрини Донатти.

– И чем она любопытная?

– Сейчас расскажу...

(Dexter Britain – Taken by the Clouds)

– Представь себе ситуацию: живет себе приглашенный когда-то в мир Уровней человек. Нормально живет, как все, а главное долго, раз дошел до четырнадцатого уровня. С радостными событиями, жизненными драмами, скучными периодами, когда-то счастливый, когда-то грустный, но главное – стабильный.

– В каком смысле «стабильный»?

– Ну, скажем, ты – это всегда ты. Бернарда. Бываешь веселой, раздраженной, уверенной в себе или не очень. Но вектор твоего движения последователен, потому что твоя личность, которая постоянно претерпевает изменения, связанные с развитием, остается все же твоей личностью.

Занимательно.

– А в случае с Айрини?

Сидящий в кресле Дрейк, сейчас развернутый ко мне лицом, потер нижнюю губу костяшкой указательного пальца – жест вроде бы простой, но сексуальный. А Начальник, наверное, этого не замечал.

– А вот что. Она всегда работала в сфере торговли и услуг, и, перейдя на четырнадцатый, определилась быстро: окончила курсы «Стильной внешности», стала мастером-универсалом, открыла в своей квартире маленькую парикмахерскую, и быстро, ввиду таланта, заимела постоянных клиентов. Деньгами не сорила, но и не бедствовала – жила нескучно, даже задорно, любила похаживать по барам. Множество друзей, подруг, мимолетные интрижки, а последний ее роман, случившийся с Робом Ачиком, и вовсе мимолетным не назовешь. Я бы даже сказал, он, скорее, был эмоциональным и тяжеловесным. С последовавшим в финале разрывом.

– И?

Чтобы не стоять посреди кабинета (рассказываемый Дрейком «фильм», видимо, только начался), я присела на край пустого стола. Нужно же ему хоть иногда быть полезным.

– Дальше странное... Айрини, тяжело переживающая разрыв, идет на прогулку к озеру. А возвращается совершенно другим человеком. Другим – это «другим». В одночасье закрывает парикмахерскую, разгоняет клиентов, друзей и знакомых, несколько дней проводит в размышлениях, и вдруг открывает вместо парикмахерской агентство «Счастливая судьба».

– В смысле, становится шарлатанкой?

– В том-то и дело, что нет.

– Как это – нет?

Во взгляде Дрейка веселый огонек – мол, я же говорил, загадка.

– Начинает по-настоящему помогать людям, приходящим к ней с просьбами. На самом деле. Менять им судьбы, участвовать в ключевых точках поворотных событий, влиять на судьбу. В совершенно прямом, а не переносном смысле.

- Э-э-э...

Я вдруг поняла, что не знаю, что сказать.

- А это разрешено?

- Разрешено, когда человек сам приходит и просит о помощи. Вредить Айрини - не вредит, действует грамотно и умно. Я бы даже сказал осмотрительно. Случайных персонажей не затрагивает, вмешивается по существу, личных границ не переступает, информацию в злом ключе не использует.

- Значит... все хорошо?

- Хорошо. Только странно, не находишь?

- Странно, что человек, переживший потрясение, решает вести другую жизнь? Совсем нет. Мы все после «разрывов» желаем чувствовать себя иначе. А помощь людям - отличный, отвлекающий от собственных проблем, фактор.

- Согласен, вот только чтобы оказывать такую «помощь», нужно вдруг начать обладать удивительными способностями.

- Может она ими обладала и раньше?

- Нет. Здесь я проверил. Той ночью Айрини ушла на прогулку, имея один фон сознания, а вернулась с совершенно другим. Как подменили. Тело ее осталось прежним, сомнений нет, а ум совершил воистину квантовый скачок.

- Так разве не случается в результате потрясений? Ты же сам когда-то рассчитывал на подобное потрясение и схожий результат в случае с Дэллом (*речь о событиях, описываемых в романе Дэлл2: Меган).

- Верно. Но уровень душевных страданий Айрини не был достаточным для квантового скачка. Для мрачных мыслей о суициде - да. Но она вернулась живой. Посидела на берегу, даже полежала на пляже под звездами. А в квартиру вернулась «ясновидящей». Не знаю, какое слово подобрать, чтобы тебе

стало понятно.

Мне в целом стало понятно.

– То есть настолько изменилась?

– Именно.

Странно. И чтоб нам всем так под звездами «полежать», чтобы потом судьбу уметь кроить, как юбку-солнце.

И тишина. Мой возлюбленный рассматривал меня задумчивым взглядом – не то любовался, не то ожидал какой-нибудь умной фразы.

– Почему ты до сих пор не привез ее в Реактор и не допросил? Насколько я знаю, любые проблемы ты решаешь очень быстро. И допрашивать умеешь.

– Я много чего умею, – Дрейк снова улыбался, губами и глазами, сводя мои ощущения с пристойных на непристойные. – Только ведь не каждая проблема требует грубого вмешательства. Когда ты видишь необычный объект, которому удивляешься, ты ведь не торопишься препарировать, чтобы понять, как он устроен?

Вроде бы так. И все же не «по-Дрейковски».

– Чтобы Начальник мира сего выжидал?

– Но она ведь ничего не нарушает. Лишь приковывает к себе мое внимание и любопытство. Когда нет дел поважнее. К тому же, когда осознаешь, что в твоём распоряжении Вечность, перестаешь торопиться.

«А загадок, которые я не могу разгадать сразу, не так уж и много».

Хитрый лис. А каким ему быть, человеку, который живет очень давно? С годами действительно начинаешь уметь наслаждаться не только очевидным: вкусом свежеприготовленной еды, морским воздухом, теплым одеялом и стуком дождя за окном. С годами приходит умение находить удовольствие в чем бы то ни

было, если оно тебя не раздражает. И даже если так – еще одна любопытная задача, к решению которой стоит подойти с удовольствием. Я любила его и за это тоже – за то, что он ушел от обычных людей на расстояние нескольких галактик. И за то, что имела возможность идти за теплой протянутой рукой по звездной дороге, постигая мудрость.

– Значит, будешь наблюдать и дальше?

– Хм. Скажем теперь, когда ты пришла, я «нанаблюдался».

– Тогда что дальше? И почему когда «пришла я»?

– Потому что есть у меня одна идеяка.

Из немой тишины кабинета можно было согнуть вопросительный знак – настолько она пропиталась моим любопытством.

– Хочу, чтобы ты с ней познакомилась.

– С Айрини?

– Да.

– Для чего?

– Присмотрелась к ней, а после поделилась со мной своими мыслями и ощущениями. Твоя чувствительность – это больше, чем приборы. И куда интереснее.

«Гораздо!»

Он один умеет так говорить, чтобы просматривался двойной контекст?

– Хочешь, чтобы я записалась к ней на прием в «Счастливую судьбу» и попросила перекрыть мою и без того прекрасную жизнь? Только навряд ли посредством такой встречи я много узнаю о хозяйке. Она предпочтет говорить о моих

проблемах, а не о своих, если они у нее есть.

- Они есть у всех. Но ход мыслей правильный.

- Тогда как? Чтобы сблизиться, мне придется стать постоянным клиентом и начать выдумывать несуществующие препятствия, которые необходимо решать.

- И она моментально тебя раскусит. Даже если я поставлю защиту. И тем более, если я поставлю.

- Значит...

- Знаешь, что мне нравится в тебе, Ди?

- Что?

- Что ты живешь не так долго, но мыслишь как я.

Это увесистый комплимент. Но еще приятнее нежность в умных серо-голубых глазах – ей вообще никогда не налюбуюсь.

- Поэтому придется поступить иначе, – подытожил Дрейк, – я запишу тебя на первый курс «Школы Управления Жизнью», куда два раза в неделю на лекции ходит наша загадочная «парикмахерша».

- Ух ты! Есть такая школа? Здорово! Может после пары лет обучения мое сознание тоже совершит квантовый скачок?

- Оно совершает его в моей компании каждый день.

Он сейчас о взаимодействии с его невидимым фоном? Или о близком контакте наших физических тел ночью? Только лучше не отвлекать, чтобы не съехать с темы.

А Дрейк Дамиен-Ферно нагл, как демон, заключивший лучшую сделку жизни. Ему бесконечно сильно нравится, что я отлично чувствую подтекст, что

наслаждаюсь им, замираю, даже смущаюсь. Что это колышет тонкие, невидимые, но очень чувственные нити.

– Я вообще-то не о том...

И палец, потерший нижнюю губу, сделался вконец уж сексуальным жестом. Намеренно. Создатель, с ним так легко съехать с катушек, особенно если поддаться и залипнуть во взгляде с прищуром.

– Я о том, что вдруг эта Школа станет для меня прорывом?

– Кажется, я даю кому-то мало лекций? Хочешь, утроим?

Легкая ревность? Скорее, рябь пространства «под ревность» для усиления телесных вкусовых ощущений.

Ну уж нет, своего «лектора» я не променяю ни на какого другого.

– Хочешь, я тебе скажу, что случится с тобой после восьми лет обучения в этой школе?

– Восьми?

– Да. Столько они обучают до выдачи диплома.

«Даже диплом имеется! Мастер по связи с Реальностью?»

– Что случится?

– Ты придешь ко мне и скажешь: «Зачем я только тратила все это время на то, чтобы понять одну-единственную простую вещь – живи и радуйся!»

– Так и скажу?

А ведь он, скорее всего, даже не шутил. Успел заглянуть одним из лучей внимания туда, где я отходила-таки все восемь лет в эту школу, а после пришла

к нему с выводом. В одной из параллельных нашей ветке развития.

- Так и скажешь.

- Тогда лучше устроим наши...

«Лекции?» – спросила глазами. И получился такой же взгляд-ответ: «Или не лекции...»

Мы улыбались.

После Дрейк отнял костяшки пальцев от губ и сложил руки на животе.

- Тогда через час тебе будет обеспечен пропуск в ШУЖ, учителя ни о чем не спросят. Притворишься студенткой-первокурсницей, поздно записавшейся на лекции. Такое у них случается. А дальше дело техники – попытаешься сблизиться с Айрини.

- Но если она читает сознание?

- Насколько я понял, не читает без необходимости. Только в случае самозащиты или если поступает просьба о помощи.

- И все-таки...

- Ну, расколет она тебя, и что с того? Все равно успеешь сложить о ней свое мнение.

- Договорились.

Посетить странную школу мне было скорее интересно, чем нет.

- А как я узнаю, по каким дням она ходит?

- Мак тебе в помощь. Брось ему фото.

Круто. Чейзер временно станет наблюдателем. Не хотела бы я иметь на себе такое «Око Саурана».

Прежде чем оставить Начальника наедине с его прямыми обязанностями, то есть работой, я уточнила.

- Ты не считаешь ее опасной?

- Если бы считал, уже изолировал бы.

- Тогда что...

«Что ты недоговорил мне?»

А ощущение недосказанного присутствовало.

- Зачем хочешь нас познакомить?

И этот редкий момент, когда стоящий напротив человек вновь всмотрелся туда, где лежал миллион пересекающихся цепочек, состоящих из событий, случайностей, встреч и столкновений. Каждая со своими последствиями.

- Знаешь, - произнес негромко, - у меня срабатывает интуиция, что на Комиссию у Айрины будет очень плохая реакция. Сложно сказать, почему. Возможно, ее прежний опыт. А на тебя нейтральная.

И добавил то, чего я не ожидала.

- Думаю, ей нужна помощь.

- Помощь? Тогда это точно лучше к тебе.

- Нет. Специалист по прекрасному и доброму сердцу у нас ты, а не я.

«И ты тоже». Для меня точно.

А он читал по глазам. Гораздо лучше, чем любая «Айрини».

– Люблю тебя.

Сказала я его взгляду, лицу и сердцу. Не потому, что он не знал, а потому что очень хотелось сказать. А ответом мне явилась такая ласковая мощная волна обожания, что я почувствовала себя наркоманом, вдарившим дозу любимого порошка.

– Буду ждать студенческий билет.

И отправилась прочь из кабинета. Дразнить и сбивать с пути истинного счастливой физиономией холостых жителей Реактора.

Айрини.

(Worakls – Detached Motion)

– Как это ты хочешь уйти? От меня?

– От тебя.

Эти слова Розы – моя недавняя рыжеволосая клиентка – выдавила из себя кое-как, шепотом. А перед ней ее муж – человек по моим ощущениям страшный. Нет, внешне вполне обычный, даже примитивный: ростом не выше ста семидесяти, в растянутой майке, шортах, с босыми ногами. Волосы темные, лицо землистое, белки глаз красные – пил накануне. Может поэтому Розы решила на разговор не в обед, как планировала, а раньше. Набрала мой телефон уже в одиннадцать – я едва успела позавтракать и выпроводить Дамиру.

– Начинайте через пять минут, – посоветовала я ей и быстро поднялась к себе в спальню. Улеглась поудобнее, расслабилась, полностью расфокусировалась. А

после отыскала лучом внимания Розы, которая, оказывается, уже начала. Чуть-чуть рановато, без меня. И теперь боялась стоящего напротив человека так сильно, что слабела ногами. Непорядок.

«А ну, подвинься...»

Я оттеснила ее мягко, незаметно. Как всегда, первым делом совершила глубокий вдох-выдох, наклонила голову, растянула шею, размяла плечи.

«Ну и спрессованный же у тебя позвоночник, мадам...»

Пока я растягивала спину, чтобы улучшить циркуляцию крови в теле, давно не помнящим гимнастику, но знающем много сладостей и лишних тринадцать килограмм, мужчина осознал сказанное. И начал закипать, как чумазый неуправляемый котел.

– Че удумала, а? – он вел себя как хозяин положения, как настоящий тиран, и настолько вжился в эту роль, что принялся думать, что стоящая перед ним женщина – раб.

– Может запереть тебя за замок? Голодом несколько суток? К батарее приковать?

У него ощутимо чесались кулаки. М-да, при такой жизни не то что к сладостям пристрастишься, но и к коньячку на кокаине.

Розы внутри собственной головы пискнула и забилась в «трюм».

«Не пугайся, все решим!»

Пока Шархан (а звали моего нового знакомого – неприятного землистого брюнета годов пятидесяти – именно так) строил самую злую из своих рож, хмурил брови и наливался яростью, я спокойно закончила зарядку.

Непринужденно бросила ему:

– Себя прикуй.

И отправилась собирать вещи.

Прошла в спальню, вытащила из шкафа чемодан, стала не особенно аккуратно стягивать с плечиков блузки и платья и кидать в него.

Шархан озверел. И опупел. Розы никогда не говорила с ним в таком тоне. И никогда не занималась своими делами во время нравоучений и лекций.

– С дуба рухнула? А если сейчас по морде?

Смешно, да.

Розы мысленно зажмурилась и накрыла голову руками, как при близкой бомбардировке. Вероятно, уже получала по ребрам и не только. Я же совершенно не боялась по той простой причине, что, когда я чувствую себя сильной, все танцуют под мою дудку. А я всегда сильная. Реальность кроит тот, кто верит, и Шархан, увы, при таком раскладе, как бы ни хорохорился, а вреда причинить не может. Да и с каждой секундой все сильнее ощущает, что ситуация уплывает из-под его контроля. Точнее, уже уплыла. Вовремя же рыжая ко мне обратилась...

– Розы!

Ой, сколько гнева от того, что она не смотрит на него, когда он с ней говорит. Ну, просто уделаться.

– М-м-м? – я муркнула это так задумчиво, будто расслабленно выбирала лак для ногтей, а не стояла рядом с «котлом».

– Ты в себе?!

Зачем же так орать.

А у моей клиентки обширный гардероб – все в недра чемодана поместилось кое-как. Верхнюю одежду в виде пуховиков и пальто пришлось оставить. Обувь взять только ту, что у порога.

- Да кому ты нужна?!

Шархан слабел. Понимал, что от крика – толку ноль, а новая Роза даже бровью не ведет, будто стала прозрачной и невидимой для его словесных ударов.

Но я все же ответила.

- Себе, дорогой.

- Ты нашла кого-то? Ты, шлюха, уже спала с кем-то?

Не знала, что чье-то лицо способно так краснеть, почти бордовый. Забавный диалог.

- Еще нет, но обязательно найду достойную кандидатуру.

Наверное, она никогда с ним так не разговаривала. Совсем. Потому что ее сожитель вдруг начал понимать (на самом деле понимать!) – женщина уплывает. И не удержать ни криками, ни угрозами, ни красным лицом.

Настоящая же хозяйка, сдвинутая в собственной голове в сторону, вдруг начала чувствовать отголоски триумфа – она никогда не позволяла себе храбрости, но всегда мечтала о ней. Чтобы честно, наотмашь, чтобы вот так. Себе, а не кому-то на пользу. Потому что всю жизнь, как расслоенный на мелкие потоки ручеек, ощущала себя слабой, старающейся угодить другим. А тут – себе. И потому вдруг сделалась, как полноводная река, как ужасающей силы поток – на этот раз целый. Точнее, пока потоком была я, но Роза жадно запоминала и училась. Ей хотелось уметь так же.

- Ты что... Ты что? – заверещал вдруг брюнет совсем другим голосом (и куда только делись угрозы?) – Давай поговорим, обсудим...

Раньше он на компромиссы не шел, и его злость моментально выливалась в кулачный бой против неравной по силам жены.

- Хватит, наобсуждалась.

Закончив с осмотром комнаты, а после сознания рыжеволосой клиентки, я откатила чемодан в прихожую и уверенно направилась на кухню. Поднялась на стул, дотянулась до вазы, в которой хранилась денежная заначка.

– Видишь? – помотала перед противной рожей тугой пачкой свернутых купюр. – Тебе на подарок копила.

Точнее на «взятку», чтобы хоть сколько-то не распускал руки, приобрел. Но этого бы не произошло – она знала это тоже.

– А теперь уже не тебе.

И, оставив Шархана в недоумении, смешанном с обреченным потухнуть гневом, вернулась в коридор. Принялась обуваться. Клиентка по соседству со мной ликовала – она уходила, ей давали проход. И, кажется, ей было все равно, что в шкафу еще осталась одежда, а денег на новую жизнь не очень много. Она становилась свободной прямо сейчас. Дверь близко, а Шархан далеко, уже не дотянется.

– Розы, Розы, – будто опомнился человек в майке, – ты на самом деле меня оставляешь? А есть я как?... А жить?

– Как хочешь.

Во мне не нашлось ни сочувствия, ни сострадания. Оттого фразы выходили жесткими, как удары плетью.

– Найдешь другую дуру. Но бить уже не посмеешь, понял? А то напишу заяву в Комиссию – я выяснила их адрес...

Я несла полный бред. Но очень точный, прицельный. Слабые люди очень боятся возмездия, а уж пресловутую Комиссию здесь страшились все от мала до велика. И плевать, что на самом деле никто не знает их адреса (имелась у меня мысль о том, что их офис просто находится на другой частоте восприятия, и те, кому он не нужен, попросту не видят его). Но Шархан осекся, побледнел. И стало ясно, что «другую» он не посмеет найти еще долго.

- Прощай, придурок. И не звони, терпеть тебя не могу.

Это я от себя. Чтобы даже не пытался.

А Розе было на него наплевать – она чувствовала запах близкой свободы. Улицы, дороги под ее собственными ногами, где только она и никто больше выбирает путь; предстоящий вечер, когда не нужно готовить опостылевший ужин. Не бояться, что он вдруг не понравится, не прятаться в своей комнатухе, гадая, а не напьется ли сегодня? Не ждать, что утром снова унижат по поводу манер и внешности. Дальше только она сама станет решать, чего хочет и чего достойна – остался только шаг...

И я его сделала.

Захлопнула дверь дома, откуда она так долго не решалась уйти из-за страха. После отправила ей не мысль, но четкое ощущение: «Мы боимся не людей и их поступков. Мы боимся бояться, пойми разницу. Боимся собственного страха. Если поймешь, перестанешь быть слабой». Она уловила, хоть и пребывала в эйфории – «ушла, ушла, ушла!»

Эту радость мы ощущали вместе. Мужчина не должен обижать женщину, иначе это не мужчина, а перегной.

Прежде чем покинуть чужое тело и жизнь, я довела его до ближайшей остановки. Не стала дожидаться автобуса, махнула рукой таксисту. И быстро перебрала в не своей памяти адреса незнакомых мне подруг. Вот одна – Жанина – она сразу поддержит. Не будет сюсюкать, а заявит: «Правильно сделала!», скажет «Назад дороги нет!» – то, что нужно. К ней и направила таксиста. А рыжеволосой, как отчавившей от берега в океан бригантине, пожелала счастливого плавания.

И проснулась у себя, ощущая, как снова занемели над головой руки. Черт, когда я уже приучусь, что нельзя уходить в астрал с закинутыми вверх руками? Когда-нибудь они в совершенно ненужный момент вытянут меня обратно.

Все, дело сделано. Внутри своя и чужая радость, надежда на светлое будущее и желание любить. По-настоящему. Хорошего мужчину – страстно, на полную, до самого дна. Чтобы ты для него – Богиня, чтобы он для тебя солнце, с которого не

можешь свести глаз.

«Интересно, это ее желание или мое?»

И не смогла отличить. Видимо, наше общее.

Вероятно, мой дальнейший день мог пойти тысячью разных дорог, но на моей блузке оторвалась пуговица. Не настолько, чтобы отвалиться, но достаточно, чтобы повиснуть «на сопле».

Не дело.

Пришлось рыться в ящиках. Потому что я, редко пользующаяся швейными принадлежностями, не помнила, где они лежат. Может в тумбе? Нет. В комод? Тут чужие майки, трусы, бюстгальтера...

Да, я до сих пор не выкинула «ее» вещи. Понимала, что настоящей Айрини давно нет, и все равно казалось кощунственным просто взять и вынести все в ближайший мусорный бак. И потому я, часто преследуемая ощущением, что временно живу не то в гостинице, не то у уехавшей подруги, просто выкроила себе столько пространства, сколько мне требовалось. А требовалось немного: один ящик для нижнего белья, несколько плечиков под водолазки и блузы, чуток пространства под джинсы, а также место в ванной для гигиенических принадлежностей. Думаю, вернись живая и здоровая Айрини домой, она заметила бы не так уж много изменений, разве что кабинет – бывший зал для клиентов. Но тут иначе никак.

Швейные принадлежности я отыскала всего за какие-то десять минут, и, в процессе работы «ищейкой», успела вдоволь пропитаться ароматами и ощущениями прошлой жизни мисс Донатти. Наткнуться на ее духи, влезть в шкатулку с бижутерией, даже отыскать записку, всунутую между конвертами с «важными» документами – счетами на оплату, приглашениями и корешками от «погашенных» авиабилетов.

А с нитками нашла и еще кое-что. Фото.

Где хозяйка этого дома обнимает незнакомого парня, и так счастливо улыбается, как, наверное, никогда, будучи в ее теле, не улыбалась я сама. Лучистыми стали ореховые глаза, притягательной улыбка, перестал тянуть на себя внимание даже несколько несуразный и чуть вздернутый кверху нос. Айрини не была красавицей. Слишком узкое лицо, слишком круглые глаза, немного неверный прикус. Не уродина, просто достаточно симпатичная, если верно наложить макияж, девушка. Не более.

Но это фото делало ее другой – безмятежной. Полностью погруженной во вдохновляющую жизнь, в бесконечно радостные эмоции, в любовь.

Парень на снимке улыбался тоже. Чуть более скованно, чем его спутница. А в глазах – глубоко внутри – настороженность. Она любила его, но не он ее.

Айрини не замечала.

Собственно, а замечала ли я сама вранье Рори? Нет. Была точно такой же, отдающей себя целиком. Зачем думать о плохом, когда на уши совершенно искренне (так мне казалось) шепчут ласковые слова? Когда обнимают тепло и от души, когда клянутся, что жить без тебя не могут. И тогда ты не видишь человека – ты видишь собственное счастье. Ты задыхаешься им, ты паришь слишком высоко, ты пропитан и одурманен лучами, идущими из сердца.

В такой момент человека легко одурачить.

И одурачиться, увы, тоже.

Для Айрини, которая незадолго до своей кончины убрала это фото «с глаз долой», ее любовь стоила жизни.

Мне моя тоже.

Стало тяжело, мутно. Забылась болтающаяся на честном слове пуговица, перехотелось ее пришивать. Вдруг стало ясно, что я совсем не хочу сейчас быть одна и в четырех стенах. Я, конечно, попытаюсь не думать, не вспоминать, но меня снесет. И потому нужно наружу, хоть куда, главное – в общество...

С мрачным выражением наркомана, которого сейчас начнет ломать, я принялась одеваться – куда, куда? Просто гулять по улице? Не слишком отвлекает. Мне бы сейчас...

И тут поняла – лекции. Сегодня в Школе Управления Жизнью как раз будут читать две бесполезные, но способные отвлечь внимание лекции. И я, судя по часам, как раз на них успеваю.

(Jennifer Thomas – Carol of the Bells)

– Одна из самых важных мыслей, которую должен принять человек, желающий стать Творцом своей жизни – «я за все несу ответственность». За все – это за все. За погоду, за систему организации мира, в котором живу, за действия незнакомых мне людей. Каждая проекция – зеркало, это не более и не менее – индикатор ваших установок. Ясно?

Конечно, студентам не было ясно. Кто готов допустить, что накричавшая в магазине кассирша – твой собственный выбор? А проползшая под ногами гусеница? Нет, она «случайно ползла». Случайностей нет совсем. Далеко не глупый преподаватель в этом был прав, но для четырнадцати студентов (не считая меня), посещавших первый курс, подобная теория казалась полной ахинеей. Вчерашняя непогода – выбор? А спившийся друг? Ссора за стенкой? Количество трещин на асфальте?

Да, выбор. Только все гораздо сложнее, «многоуровнее», нежели можно объяснить человеческими словами.

Сегодняшняя тема, что удивительно, оказалась вполне интересной, но по-настоящему меня занимало другое. Тревожило, очень сильно беспокоило, дергало внутренний звонок – пятнадцатая студентка. Новенькая.

Что может быть необычного в обычной, казалось бы, девчонке? Да, приятной внешне. Да, аккуратно и со вкусом одетой. Да, сидящей тихо, внимающей

преподавателю.

Для меня – все. И, в первую очередь, моя напрягающаяся до предела интуиция, твердящая, что «она пришла за мной». По мою душу.

«Откуда это взялось?»

Лекция перестала для меня существовать; недавние мысли о Рори вылетели из головы. Новенькая просто сидела. Просто писала. Даже не смотрела в мою сторону, но я не отлипала от ее головы взглядом.

«Она здесь не просто так...»

И она слишком хороша для этой школы. В прямом смысле – она давно переросла ее. Как и я. Русоволосая незнакомка, имени которой я не знала, была из тех редких людей, которых я называю «целыми». Не разбитой на ручейки, как сознание той же Розы, но бурным мощным потоком личности, которая уже обрела себя и свой путь.

– Мистер Дикенсон, не можете же вы утверждать, что я выбираю даже товар, который начнут продавать в магазине на следующей неделе?

– Выбираете.

– Но я о нем даже ничего не знаю.

– В вашей голове существует несколько тысяч шаблонов, которые формируют структуру пространства будущего на автомате, за вас. Например, вера в то, что качество вещей стало ухудшаться, все больше на рынке подделок, что люди давно предпочитают деньги человечности. Знакомо?

– Но...

Дискутировали с азартом и удовольствием вихрастый Дилан и стоящий за постаментом лектор.

– А это уже прямое указание на то, что продукты, которые вы увидите в магазине на следующей неделе, вновь вызовут у вас волну негодования. А вот у вашей соседки, мисс Летиции, иные убеждения – она умеет фокусироваться на правильном...

Если бы ни новенькая, я бы наслаждалась – тема хорошая.

Но сейчас все струны моей внутренней сущности, вторя об опасности, дребезжали невпопад – огромная редкость. И впервые случившаяся в Нордейле.

Мены не имеют права подселаться просто так – беспричинно или ради удовольствия. Только в целях самозащиты, для помощи просящим либо миру. В моем случае, как я решила, действовал первый вариант – самозащита. И потому не столько подселелась в сознание незнакомки, сколько прощупала его исключительно на наличие угрожающего мне намерения.

И не нашла такового. Мирный ум, расслабленные эмоции, спокойное течение процессов внутри. Ни намек на угрозу.

«Где ошибка?»

Просторная аудитория, полутемная и почти сплошь деревянная – деревянный пол, деревянные скамьи и столы, деревянная сцена – сейчас казалась мне зловещей, как переполненный оперный зал, в котором смешался с толпой террорист-смертник. И вроде бы еще ничего не случилось – веселые диалоги, неверие, смешки, река вопросов, но в лекционном зале для меня нас осталось двое – я и она.

Я прощупала общий фон новенькой еще раз. Затем еще... Угрозы нет. Направленного в мою сторону внимания тоже.

– А что значит «проекция», мистер Дикенсон?

– Проекция – это вы сами, воплотившиеся для собственной игры в предмет или другого человека. В свое зеркало.

– И из проекций состоит весь мир?

- Все миры.

- Что значит, все миры?

- То и значит. Думаете, мы все сейчас находимся в одной и той же аудитории? Увы, должен вас разочаровать. Или вдохновить. Количество аудиторий, которые выглядят для нас одинаково, равно количеству присутствующих в зале человек. Но ради удовольствия общения, реальность выглядит единой, хоть и излучается из каждого из вас самостоятельно.

Кто-то присвистнул:

- Быть такого не может!

Может - отметила я на автомате. И есть. Вот только всю сказанную информацию можно ощутить глубинными сенсорами, но нельзя описать текстом любого языка. Глосс не хватит.

- То есть, наша с Бобом скамейка - не наша? А у него своя, у меня своя?

- Точно так. И кружка, которую вы делите на вашей кухне с вашей девушкой, тоже у каждого своя.

- И унитаз в общаге? - хохмился невысокий брюнет с дальнего ряда. - Чего я тогда боюсь глистов подцепить, если у каждого свой?

- Глистов вы подцепите, просто потому, что боитесь. Создадите. Переместите сюда оттуда, где они у вас уже есть.

- Боже мой! Мистер Дикенсон, срочно научите меня менять автоматические шаблоны! Я боюсь!

Шутника звали Райли. И он жить не мог без того, чтобы не выскочить с репликой, не развеселить сокурсников, не окунуться хотя бы раз в полчаса в пучину всеобщего внимания.

Дикенсон – аккуратный мужчина с короткой бородой, в очках и с модельной стрижкой – ухмылялся; соседние со мной девчонки хихикали. Новенькая повернулась и улыбнулась вместе со всеми.

Меня начало отпускать.

Бернарда.

(Malou Prytz – Left amp; Right)

– Новенькая?

– Ага.

– А чего не с начала года?

Мне не верилось – Айрини меня раскусила. Иначе зачем бы сама подошла на перемене в коридоре, куда мы вышли размять ноги.

«Или случайность?»

Она худая, вытянутая, в темных джинсах и бесформенной кофте. Здесь, где из высоких окон лился яркий дневной свет, она выглядела не то, чтобы неопрятной, но той, кому собственная внешность не особенно важна. А вот глаза цепкие, умные.

«С двойным дном, будто за одной перегородкой есть еще одна, другая. А оттуда смотрит некто настоящий» – странное ощущение.

– Просто недавно узнала про эту школу. Вот, решила попробовать...

– Любопытство, значит?

- Оно самое.

Я старательно сохраняла внутри безмятежность «Дрейка» – так я называла это состояние. Оно ощущается, как «Все всегда хорошо. Если возникают задачи, все они решаемые. Даже если решая их, рухнет мир, можно выстроить еще один, и еще. Время бесконечно, в запасе вечность...»

Мой ненаглядный умел находиться в этом состоянии постоянно – оно помогало ему абстрагироваться, я же усилием воли распараллелила себя, чтобы не выдать истинных чувств – беспокойства, возбуждения, излишнего внимания. Снаружи – эдакая мирная беспечная Бернарда, а в бункере – настороженный наблюдатель. И почему-то казалось, что Айрини смотрит прямо в бункер. Или же пытается его отыскать под моим напускным спокойствием.

«Вот это я понимаю, интуиция!»

Чтобы не молчать, я посмотрела на тонкую тетрадь, которую она держала в руках.

- Я пропустила много интересного?

- Не особенно.

И вновь наши изучающие друг друга взгляды – как много правды и искренних намерений она понимает?

- Переписать предыдущие лекции дашь?

- Я их не пишу.

- Почему?

- Потому что, если то, что объясняет лектор, не заходит сразу, то перечитывать слова бесполезно.

- Может однажды зайдет?

– Чему зайти, то зайдет из любого источника, не обязательно из тетради. Ты ведь знаешь.

«Какое многозначительное „ты ведь знаешь...“»

– Я – Айрини.

Она протянула мне узкую руку – прохладную, со «слепленными» пальцами.

Специально не стала говорить «Бернарда». Много вопросов – много лишней информации. Просто пожала чужую ладонь.

– Дина.

А после вопрос в лоб:

– Зачем ты здесь, Дина?

И стало ясно – она понимает. Все или почти все. Снова врать, что из любопытства? Но Айрини пояснила сама.

– Ты ведь давно переросла эту школу.

– Ты тоже.

И мой ответ, сказанный посреди гулкового коридора, посреди солнечного дня с золотыми за окном деревьями, дал нам понять, что мы «наравне». Эдакие два шпиона, пытающиеся выведать больше, чем готовы выдать. А ва-банк, оказывается, играть не всегда приятно. Все-таки я надеялась подольше побыть в ее глазах просто «новенькой студенткой».

Или я преувеличила ее проницательность? Слова – просто слова?

Наш диалог прервался, потому что выглянул лектор:

– Продолжим?

Народ стекался обратно в аудиторию, как вода в водосток – из широкого потока делался узким. Входили по одному.

– Хочешь сесть со мной?

Я замялась. Что если чем ближе контакт, тем лучше она «читает»?

– Может в следующий раз.

Надо собраться с мыслями, вновь стабилизировать если не безмятежность, то хотя бы ровные эмоции. Не ожидала, что она попытается взять быка за рога, не ожидала. Но где наша не пропадала? Как говорится, «поживи-ка ты с мое с Дрейком», а там поговорим. И улыбнулась.

«Что бы ни случилось, он прав. Все – игра...»

А лекции мне нравились – про дуальность мира и процессов, про зависимости, про ложное восприятие себя и окружающих... Дрейк, конечно, рассказывал лучше и интереснее, а, главное, всегда затрагивал нужные именно для меня в конкретный момент времени темы, но в ШУЖ тоже преподавали не дураки. И расплывалось внутри мягкое восхищение от того, что многим, оказывается, интересно познание мира. Это классно...

Взгляд Айрины я чувствовала. Не такой тяжелый, как у Дрейка, и, наверное, незаметный обычным людям, но вполне ощутимый для меня. Я не пряталась – я от него отвлекалась. Точно как делала с Комиссионерами – «не хочешь, чтобы они прочитали, о чем ты думаешь, думай о настоящем моменте». О теплом и полированном дереве парты под пальцами, мягком голосе мистера Дикенсона, касающейся тела одежде, своей способности смотреть, ощущать.

Жаль, конечно, если на сегодня мы с ней «наговорились». Однако не навязываться совсем уж откровенно? Да и глупые вопросы выдадут меня быстрее правды.

Дикенсон говорил о важности развития внутренней чувствительности, минутах тишины. Кто-то писал, кто-то смотрел на него, кто-то мимо. Парень слева от меня спал, но его никто не будил – каждому свое.

И незаметно время рассказывания материала истекло. Что же дальше, просто домой?

(Аффект – Евгений Соколовский)

Не имея никакого плана, я покинула аудиторию одной из первых. Спустилась по лестнице вниз, толкнула массивную дверь, ведущую на улицу.

А октябрь стоял сказочный. После пары дней ветров и дождей, установилось вдруг тепло. И деревья, потерявшие еще далеко не всю листву, стояли золотые, как факелы. Уже не желто-зеленые, не бурые – огненные. С красными кляксами рябин, с зелеными проплешинами кустарников. И все это на фоне пронзительной голубизны неба.

Кажется, осень оголяет, очищает, убирает лишнее. И дышится свободнее и легче; шелуха сваливается, как листва.

Я не услышала, как она подошла и встала рядом, – эта странная девушка-женщина, вмиг обретшая способность менять чужие судьбы.

– Любуешься?

– Любуюсь. И жрать хочу, – добавила я совершенно честно. – А то с утра проснулась, а у меня дома уже друзья шахматы гоняют, пришлось спешно удирать.

– Чтобы не втянули в игру?

– Чтобы позавтракать дали спокойно. Но это было так давно. В прошлом веке.

Про смешариков и пыль с потолка ни к чему.

Она улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

- Далеко отсюда живешь?

- Да. Район совсем не знаю.

Думала, сейчас постоит, а потом скажет «Ну, пока!» и легко засеменит прочь, но Айрини, похоже, хотелось разобраться во всем «здесь и сейчас». Я ее понимала, мне бы тоже хотелось. Не люблю непонятные ситуации.

- Я знаю одно кафе, там неплохо кормят. Идем?

И принялась спускаться первой. Я за ней.

Кафе действительно удалось: шторы на окнах, непритязательный, но уютный интерьер. Заказанный сырный суп я поглощала с удовольствием.

- А сама далеко живешь?

- Нет, рядом.

- А занимаешься чем?

Я старалась общаться так же, как общались бы только познакомившиеся друг с другом две обычные девушки.

- Да так, всем понемногу.

Мыльный ответ.

Айрини крутила в пальцах чашку с кофе. Ногти на ее пальцах узкие, продолговатые – такие, покрытые прозрачным лаком, идеально подошли бы для рекламы ювелирных украшений с телеэкрана.

– А сама?

– Сама? Тоже пока определяюсь. Больше домохозяйка.

Не рассказывать же про телепортацию?

Нет, мы однозначно два шпиона. Ведем речь об одном, думаем совсем о другом.

– А жизнь решила изменить зачем?

– В смысле, ты про школу? Подумала, может, услышу что-нибудь полезное.

Глаза Айрины глубокие, темные, влажные. Как у коня, который понимает чувствами и знает, что ему врут.

– Дина... – она больше не смотрела на свой кофе, она смотрела на меня. Без улыбки, без тени притворства. – Ты пришла за мной, так?

В этот момент я поперхнулась супом. Буквально. Хорошо, не сильно.

«А Дрейк был насчет нее прав...»

И ведь не соврешь – бесполезно. Прожевав все, что осталось во рту, я выкроила для себя несколько секунд на раздумья. Затем отодвинула в сторону тарелку, подняла взгляд. Поняла, что игры кончились.

– Не за тобой. К тебе.

– Для чего?

– Чтобы задать один вопрос.

– Какой?

Вот теперь Айрины совершенно точно напряглась, как человек, давным-давно бегущий от правосудия. Как тот, кто понимает – пришли плохие времена. Очень

яркая, бурная реакция. Неожиданная.

– Какой вопрос?

Прозвучало уже с раздражением.

Я думала о том, успею ли заплатить, если она сейчас выскочит из кафе и понесется от меня прочь.

– Что случилось с тобой ночью год назад, когда ты пошла на прогулку к Даллскому озеру?

И все. Будто дверь железного сейфа захлопнулась.

Айрини не выскочила, только побледнела. Решительно сжала губы как человек, знающий, что не сорвется до самого края, хоть этот самый край близко.

– Давай об этом не здесь, – ответила ровно и через паузу. – Пойдем ко мне, не хочу на людях...

И вновь это странное чувство, будто мы пытаемся перетягивать на себя, как одеяло, правила нашей игры. И кто ведет сейчас, она или я? А главное, ведет куда?

Айрини.

(Liv Ash – Ready for War)

Вот и приплыли. Вот и наступил момент, которого я подспудно ждала каждый день – за мной пришли. И не важно, что девчонка, что пока не прямо. Начинается всегда одинаково – с праздного якобы интереса. А после – капкан.

И он уже захлопнул свою зубастую пасть на моей лодыжке. Жаль, я успела полюбить эту квартиру и Уровни. Свою немного скучную, но размеренную жизнь.

В квартиру я запускала гостью с ощущением того, что старый мир выцветает и облетает, как побывавшая в огне декорация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/veronika-melan/igra-real-nostey-era-i-kayd-kniga_1

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)